

Лайонел Шрайвер

ШРАЙВЕР

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

от автора

бестселлера

«ЦЕНА

НЕЛЮБВИ»

другая

ЖИЗНЬ

роман удостоен престижной литературной премии
NATIONAL BOOK AWARD

cnpol.ru

Лайонел Шрайвер

Другая жизнь

«Центрполиграф»

2010

Шрайвер Л.

Другая жизнь / Л. Шрайвер — «Центрполиграф», 2010

Шепард Накер, вполне удачливый бизнесмен, долгие годы лелеял мечту о простой жизни, без пустой суеты и амбиций, без кредитных карточек и автомобильных пробок. И однажды он наконец решился осуществить свою мечту на острове Пемба в Индийском океане, независимо от того, поедет с ним его жена Глинис или нет. Но судьба распорядилась иначе. Нак узнал, что Глинис тяжело больна, и все стало предельно просто в его жизни: ему не нужен счастливый остров без жены. Началась тяжелая, изнурительная борьба со смертельной болезнью. Уходили силы и таяли деньги, вырученные за проданную фирму, мечта утратила очертания, но все же не умерла...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	50
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Лайонел Шрайвер

Другая жизнь

Посвящается Полу, навеки потерянному нами и вечно свободному

Время – деньги.

Бенджамин Франклин. Советы молодому купцу, 1748

Глава 1

Шепард Армстронг Накер

Номер счета в «Мерил Линч» 934-23F917

1 декабря 2004 – 31 декабря 2004

Стоимость портфеля ценных бумаг: \$731 778,56

Что бы вы взяли с собой, собираясь уехать на всю оставшуюся жизнь?

В исследовательскую поездку – они с Глинис никогда не называли их «каникулами» – Шеп, заранее предусматривая все непредвиденные обстоятельства, всегда брал много вещей: экипировку на случай дождливой погоды, теплый свитер, если вдруг случится невозможное и в Пуэрто-Эскондидо выдастся не по сезону холодная погода. У наблюдавшего за его приготовлениями со стороны сразу появлялось желание не брать с собой вообще ничего.

В сущности, не было никакой необходимости пробираться по комнатам крадучись, словно вор, который решил обокрасть самого себя, – осторожно ступая на цыпочках по половицам, каждый раз вздрагивая от резкого скрипа. Он дважды проверил, что Глинис уехала еще до наступления вечера (его задело, что она не сказала, с кем и где у нее «встреча»).

Уже не надеясь на совместный ужин, и это при том, что их сын в последний год был лишен возможности нормально поесть с родителями, он еще раз убедился, что Зак отправился на всю ночь к другу. Шеп остался в доме один. Не надо подпрыгивать от внезапно нахлынувшего жара. Не надо дрожать, протягивая руку к верхнему ящику комода, и с оглядкой доставать трусы, опасаясь, что тебя схватят за запястье и начнут зачитывать гражданские права.

Во всем остальном Шеп был некоторым образом вором-домушником. Именно их больше всего на свете боятся все добропорядочные американские домовладельцы. Получается, он специально приехал домой раньше обычного, чтобы обокрасть самого себя.

Его черный чемодан фирмы «Самсонит» лежал на кровати с разверзтым нутром, готовый поглотить все привычное содержимое, как и каждый раз во время повторяющихся из года в год сборов. На этот раз на дне лежала лишь расческа.

Он заставил себя собрать банные принадлежности, набор для бритья, хотя и сомневался, что в последующей жизни будет бриться. Больше всего его озадачила электрическая зубная щетка. На острове есть электричество, это несомненно, однако он пренебрег необходимостью выяснить, приспособлены ли их розетки для американских вилок с двумя плоскими контактами или для британских с тремя контактами, а может, и вовсе для круглых европейских. Также он не знал, каково местное напряжение – 220 или 110 вольт. Весьма непредусмотрительно; следовало более тщательно и скрупулезно продумать некоторые детали. Они совсем недавно стали воспитывать в себе методичность, особенно плохо это давалось Глинис, которая не часто ездила в командировки за границу. Надо сказать, что несколько раз они таковыми и были.

Воспротивившись вначале дребезжащему звуку работающей электрощетки, со временем Шеп стал получать наслаждение от того, какими гладкими становились зубы после окончания процедуры. Очевидный прогресс делал невозможным возвращение к пластмассовой палочке с колючей щетиной. Но что, если Глинис, вернувшись домой, зайдет в ванную и обнаружит, что его щетки с голубыми полосками нет на месте, в то время как ее, с красными, преспокойно стоит на раковине? Лучше ей не начинать в этот вечер мучиться сомнениями и подозрениями. Можно взять щетку Зака – он никогда не слышал, как парень ею пользуется, – но Шеп представить себе не мог, что способен украсть зубную щетку у собственного сына. (Шеп, естественно, лично оплачивал все купленное в этом доме, но чувствовал себя так, словно ему принадлежит ничтожно мало или даже ничего.) Порой это его раздражало, но сейчас существенно облегчало задачу, позволяя без сожаления оставить сушилку для салата, тренажер и диван. Хуже было то, что они с Глинис пользовались одним зарядным устройством. Он не хотел оставлять ее один на один с зубной щеткой пусть даже на какие-то пять-шесть дней (он совсем не хотел покидать ее, но на то были другие причины), давая возможность пугающей нервозности стать лейтмотивом ее настроения, что обычно приводило жену к депрессивным состояниям.

Поэтому, едва начав откручивать настенное крепление, он вернул его обратно. Убрав руку от зарядного устройства, он воровато потянулся к шкафчику за старой щеткой. Придется привыкать к техническому регрессу, что, как бы он ни пытался убедить себя в обратном, благоприятно сказывается на состоянии души. Все же есть что-то в возврате к первобытному, тому, что кажется простым и понятным.

Он не собирался бросить все и сбежать, исчезнуть, не объяснив ничего семье. Это было бы жестоко, даже слишком. Он не планировал просто поставить их перед фактом и, повернувшись в дверях, помахать на прощание. Формально он попытается успокоить их, предоставив право выбора, за что заплатил кучу денег. А приобрел он нечто эфемерное, иллюзию, а они порой и оказываются самым дорогим товаром. Он купил не один билет, а три. Если чутье подведет и Глинис удивит его, то Заку это точно не понравится. Ему всего пятнадцать, и, если американский подросток поступит так, как ему велят, это точно окажется возвратом к первобытному строю.

Боясь быть пойманным, он действовал так быстро, что оставался еще приличный запас времени. Глинис не вернется в ближайшие часа два, а чемодан уже полон. Озабоченный проблемой розеток и напряжения, он бросил в чемодан некоторые инструменты и швейцарский перочинный нож – во времена вечного кризиса всегда лучше иметь под рукой плоскогубцы, чем телефон специальной службы «Блэкберри». Несколько рубашек, потому что ему хотелось носить разные рубашки. Или совсем никаких. Еще всякую мелочовку, которая позволяла человеку такого рода деятельности, как у Шепы, всегда иметь возможность почувствовать разницу между самостоятельностью и неизбежной катастрофой: клейкая лента, набор отверток, болтов и шайб; силиконовый герметик; пластиковые прокладки; резиновые ремни (*эластичные*, какими пользовались старые умельцы из Хэмпшира, как его отец); и небольшой моток проволоки. Фонарик на случай отключения электричества и к нему батарейки класса АА. Тщательнее всего он выбирал книгу, поскольку собирался взять только одну. Разговорник английский – суахили, таблетки от малярии, средство от москитов. Полупустой пузырек прописанной врачом мази с кортизоном от экземы на щиколотке.

В довершение всего, не пускаясь в дальнейшие размышления, чековую книжку «Мерил Линч». Он не считал себя расчетливым, но сохранил за собой единоличное право пользоваться счетом. Он мог – и сделал, конечно, предложение – предоставить Глинис половину суммы; она не заработала и десяти центов из этих денег, но они женаты, и так велит закон. Следовало предупредить ее, что даже сотен тысяч долларов надолго не хватит в Уэстчестере и рано или поздно ей придется заняться чем-то помимо «ее работы».

Он рассовал по чемодану газеты, чтобы содержимое не грохотало, когда багаж попадет в руки «Бритиш эруэйз». Он припрятал его в шкафу, предусмотрительно прикрыв баннным халатом. Вид упакованного чемодана на кровати насторожит Глинис куда больше исчезнувшей зубной щетки.

Шеп устроился в гостиной, увлекшись поглощением живительного нектара под названием бурбон. Не в его привычке было начинать вечер с чего-то крепче пива, но сегодня от ряда привычек определенно можно отказаться. Вытянув ноги, он оглядел вполне симпатичную, но обставленную дешевой мебелью гостиную, неспособную вызвать горечь расставания с привычной обстановкой, за исключением фонтана. Мысль о том, что предстоит покинуть разбросанные подушки или этот чудовищный стеклянный кофейный столик, на который изредка попадали капли воды, даже воодушевляла. Фонтан наполнял его отчетливым чувством той жадности до чужого, присущей среднему классу, когда хочется иметь даже то, что уже имеешь. Он рассеянно подумал, влезет ли фонтан в «самсонайт», если тщательно завернуть его в газету?

Они все еще называли его Свадебным фонтаном. Блестящее, словно новенький серебряный стерлинг, похожее на цветок сооружение заняло центральное место во время их скромных посиделок с друзьями двадцать шесть лет тому назад, являя собой объединение жениха и невесты, их талантов и сил. До сегодняшнего дня Свадебный фонтан был единственным их совместным проектом, которому и он, и Глинис уделяли равное внимание. Шеп отвечал за техническую часть агрегата. Помпа была тщательно скрыта изогнутой пластиной металла, отполированного до зеркального блеска, вокруг основания; поскольку механизм работал постоянно, за многие годы его приходилось неоднократно менять. Разобравшись в силе и направлении водных потоков, он отрегулировал длину струй на разных уровнях. Глинис же занялась самым металлом, и по ее распоряжению на нем были выкованы причудливые линии в ее же старой студии в Бруклине.

С точки зрения Шеп, фонтан был слишком прост, Глинис же он казался искусно украшенным, таким образом даже в оценке внешнего вида этого чуда голоса разделились поровну. К тому же фонтан выглядел очень романтично. Соединенные сверху изогнутые дуги переплетались, словно лебединые шеи, поддерживая друг друга, струя, бьющая из одной, стремилась напоить другую. Узкие в самой высшей точке, уходя вниз, они расширялись, являя все более причудливые фигуры и образуя подобие небольшого озера у самого основания, таким образом *объединяя свои ресурсы*. Глинис предпочитала думать о высоком. Шеп, всегда следивший за тем, чтобы потоки воды неслись вверх, поддерживал ее стремление заботиться о прекрасном и напоминал периодически о необходимости начищать металл до блеска. Однако без должного внимания с его стороны на нем могут появиться желтоватые пятна и некрасивый налет. Возможно, в его отсутствие она просто выключит фонтан и уберет с глаз долой.

Эта аллегория, вид двух потоков, соединяющихся, переплетающихся и образующих единое целое, выражала ту идиллию, которую они потеряли. Тем не менее фонтан благополучно вписался в их жизнь. Глинис не только работала с металлом; она сама была металлом. Жесткая, твердая, негибкая. Выносливая, неоднозначная, блестящая. Стройная вытянутая фигура, костлявая, как ювелирное украшение или столовые приборы, которые она когда-то сделала сама, выбор ремесла в художественной школе для Глинис был не случаен. Все ее естество отождествлялось с материалом неподатливым, не желающим принимать уготованную форму, устойчивым к внешним воздействиям и поддающимся только неистовой силе. Металл буен. При неправильной обработке зазубривается, неровные линии злобно поблескивают при свете.

Нравилось Шепу или нет, но стихией его была вода. Податливая, легко управляемая, склонная бежать привычным руслом, и он всегда *плыл по течению*, как они выражались в юности. Вода уступчива, покорна и готова закрутиться, запутаться в водовороте. Он вовсе не гордился этими качествами; гибкость не должна быть присуща мужчине. Однако видимая

инертность жидкости обманчива. Вода изобретательна и находчива. Как хорошо знают многие владельцы домов с обветшалой крышей или поржавевшими трубами, вода коварна, и ее тоненькая, едва заметная струйка всегда проложит себе путь. Вода своенравна, хитра и настойчива, обладает способностью проникать в любую щель или в случайно не заделанную трещину. Рано или поздно вода просочится туда, куда ей надо, или – что наиболее актуально для Шеп – выберется наружу.

Его первый детский резервуар, сколоченный из такого неподходящего материала, как дерево, нещадно протекал, и бережливый отец отругал сына за это, как он выразился, «сито», которое только напрасно расходует воду. Шеп стал с большей изобретательностью подбирать предметы: миски с отколотыми краями, руки и ноги отвергнутых сестрами кукол; теперь из отобранных им сосудов вода могла только испариться. Впоследствии его игры становились все более живыми, предметы пришли в движение, в процесс были вовлечены лодки с гребным колесом, лопасти которого плюхали по воде, самолетики, парящие над заливом с подвешенными к ним всевозможными предметами, баллончики, позвякивающие кусочками ракушек или осколками стекла. Это хобби сохранилось и по сей день. В противовес безжалостной практичности его каникул выбранные сосуды казались фантастически легкомысленными.

Это оригинальное хобби выросло не из напыщенной метафоры, выражающей его характер, а из банального детского увлечения. Каждый июль Накеры арендовали дом в Уайт-Маунтин, рядом с которым протекал широкий бурный ручей. В те времена у детей были настоящие летние каникулы, туманный горизонт скрывал издержки беспорядочного времяпрепровождения. Очевидная бесконечность была мнимой, но от этого не менее притягательной. Возможность импровизировать, как виртуозный саксофонист. Для него мелодия бегущей воды была связана с покоем, усталостью и медлительностью, нехваткой остроты, по которой дети в эти промежутки между математическими лагерями, дополнительными занятиями, уроками и строгим, четким распорядком совсем не скучали. Именно такой видится и Последующая жизнь, уже не в первый раз подумал он и налил еще на пару пальцев бурбона. Он мечтал вновь вернуться в лето. На этот раз на весь год.

Ни одно занятие в воскресной школе или в Группе христианской молодежи не могло сравниться по значимости для формирования его характера с поездкой в Кению, в которую Гэбриэль Накер взял своего шестнадцатилетнего сына. Под эгидой пресвитерианской программы по обмену его преподобие согласился преподавать в небольшой семинарии в Лимуру, небольшом городке в часе езды от Найроби, и привез с собой семью. К огромному сожалению Гэбриэля, самым сильным впечатлением для его сына стало не страстное желание семинаристов познать Евангелие, а покупка продуктов. В их первый поход за провизией Шеп и Верил повезли родителей на местный рынок с прилавками, заваленными папайей, луком, картофелем, маракуйей, бобами, цуккини, тощими курицами и оковалками говядины: все это обернулось пятью до отказа забитыми сумками. Будучи человеком расчетливым – одной из претензий к нему отца до сих пор оставалась его излишняя увлеченность деньгами, – Шеп с легкостью в уме конвертировал шиллинги. Вся их ноша в результате обошлась в три доллара. Даже для 1972 года это была смешная сумма за провиант на неделю для всей семьи.

Шеп даже выразил удивление по поводу того, как торговцам удается получать прибыль при столь низких ценах. Отец отметил, что все эти люди чрезвычайно бедны; бедняги в этих отсталых странах живут меньше чем на доллар в день. Его преподобие полагал, что они указывают цены в пенни, потому что и расходы свои привыкли считать в пенни. Шеп был знаком с ростом экономики на базе роста производства; а сейчас узнал об экономии, связанной с ростом производства. Курс доллара был не фиксированным, а относительным. За сумму, на которую в Нью-Хэмпшире можно было купить лишь коробку скрепок, в кенийской глубинке продавали подержанный, но пригодный к употреблению велосипед.

– Почему бы нам не собрать все накопления и не перебраться сюда? – спросил он, когда они шли по тропинке вдоль поля.

Гэб Накер положил руку на плечо сына и окинул взглядом кофейные плантации, обласканные теплым экваториальным солнцем.

– Интересно.

Шепу тоже было интересно, очень интересно. Если человек способен выжить в таком месте, как Западная Африка, на доллар в день, то как же можно жить на двадцать баксов?

В школе Шеп всегда был жадным до знаний. Как и Зак, увы, он был сведущ во многих вопросах, но компетентен лишь в одном. В возрасте, когда так влечет ко всему абстрактному – дурманящее словосочетание «информационные технологии» должны были войти в жизнь только в ближайшее десятилетие, – Шеп выбрал то, что занимало и голову, и руки, – ремонт и замену расшатавшихся и обветшавших конструкций. Отец был образованным человеком и не ожидал, что сын станет работать мастером. Шеп, как человек воды, никогда не был сложным ребенком. Обладающему способностями и желанием ремонтировать вещи, казалось, следует остановить выбор на дипломе инженера. Он неоднократно повторял отцу, что очень, очень хочет поступить в колледж.

Тем временем неожиданная мысль, впервые пришедшая в голову в Лимуру, трансформировалась в четкое, осмысленное решение. Накопительство может стать не модным, однако доходы представителей среднего класса Америки позволяли что-то откладывать. Таким образом, с развитием промышленности, бережливости и самоограничения – важнейшими чертами морального облика общества – становится возможным раздуть и без того огромный пузырь желаний до невероятных размеров и добраться до мечты, купив билет на самолет. Страны третьего мира увеличивают продажу: два предмета идут по цене одного. Последующие годы Шеп посвятил развитию в себе необходимых качеств. Он даже не был уверен, что можно назвать развитием ситуацию, когда ты работаешь на пределе возможностей только для того, чтобы потом не работать.

Преследуя свою основную цель – деньги, Шеп отправился туда, где в Америке они сосредоточены в наибольшем количестве, и поступил в Городской колледж в Нью-Йорке. За это Гэбриэль Накер определил характер сына как «обывательский» и отругал за поклонение мамоне. Шеп же был убежден, что деньги – то, что связывает людей друг с другом и с внешним миром, – и *есть* характер; самой доказательной проверкой любого мужского характера является его способность управляться с бумажником. Послушный и прилежный ребенок, он никогда не тянул из отца деньги, понимая, как ничтожно мала зарплата священника в маленьком городке (не задумываясь над этим, Берил четырем годами позже выразила надежду на то, что отец оплатит ее обучение в Нью-Йоркском университете). С того самого дня, как заработал первые пять долларов за уборку снега, Шеп всегда платил за себя сам, будь то «Эмонд Джой» или образование.

Таким образом, решительно настроенный самостоятельно заработать на диплом, он отложил поступление в колледж в Бруклине и нашел поблизости квартиру с одной спальней в Парк-Слоуп, бывшем в те времена – об этом тяжело сейчас вспоминать – довольно стильным районом, к тому же очень дешевым. Многие дома обветшали и нуждались в ремонте, но небогатые семьи не могли нанять мастеров, предлагавших свои услуги по грабительским ценам. Освоивший азы работы электрика и плотника, когда помогал взрослым следить за домом в Нью-Хэмпшире, Шеп разослал листовки в ближайшие магазины, рекламирующие его как мастера старой школы. Вскоре по району разлетелись слухи о молодом белом парне, способном за умеренную плату поменять прокладку в смесителе и поставить новую балку, и у него появилось больше работы, чем он мог выполнить. К тому времени, когда он во второй раз опоздал подать документы в колледж, фирма «Нак на все руки» уже нанимала работников со сдельной оплатой по контракту. Два года спустя Шеп нанял первого сотрудника на постоянную работу. Он был

рад возможности иметь много свободного времени, к тому же недавно женился. В то время Джексон Бурдина работал вдвое продуктивнее, чем сейчас, став лучшим другом Шепа.

Однако то, что его сын так и не поступил в колледж, оставалось для отца большой темой, Шепу это казалось нелепым; «Нак на все руки» процветал и без благословенной бумажки. В действительности проблемой было то, что Гэбриэль Накер не испытывал уважения к физическому труду – если только это не рытье колодца для бедняков в Мали с Корпусом мира или безвозмездный ремонт крыш пенсионерам. Жажда наживы была ему чужда. Как и любая другая деятельность, не связанная с добродетелью и не имеющая целью помочь нуждающимся. Если человек посвятил себя без остатка служению добру в этом мире, мир сам защитит его от напастей и невзгод.

Чуть более восьми лет назад, когда все достоинства Последующей жизни стали принимать более четкие очертания, Шеп решил не зарывать свои лучшие качества ради призрачного журавля в небе. Он всегда любил тяжелый физический труд, любил особенное чувство усталости, полученное не в тренажерном зале, а путем сколачивания книжных полок. Он предпочитал лично руководить происходящим и ни перед кем не держать ответ. С Глинис бывали определенные трудности, и, если она и не могла отнести себя к категории совершенно счастливых людей, можно было с определенной долей уверенности сказать, что ей было с ним комфортно – по крайней мере, не меньше, чем было бы с другим мужчиной, а это само по себе не может означать «очень». Он был рад, когда она сразу забеременела Амелией. Он спешил, хотел прожить всю жизнь за половинный отрезок времени, поэтому не возражал, когда Зак появился на свет практически сразу, а не через десять лет.

Что же касается Последующей жизни, Глинис, как казалось в момент их знакомства, вполне для нее подходила. Ее определенно привлекало его умение ставить цель и стремиться к ней. Без его дальновидности, умения предвидеть в Предстоящей жизни Шеп Накер был бы лишь еще одним бизнесменом средней руки, нашедшим свою нишу в жизни: ничем особенным. Поэтому выбор новой страны для ежегодной летней «исследовательской поездки» стал ритуалом, придающим новые силы. Они были, как ему казалось до мрачных событий последнего года, одной командой.

Когда в ноябре 1996 года он получил предложение продать компанию, это казалось невероятным. *Миллион долларов*. Конечно, он понимал, что деньги уже не те, что раньше, и ему придется заплатить большой налог. В любом случае сумма не теряла той благоговейной внушительности, которой он грезил с детства; не имеет значения, что сейчас многие обычные люди становятся «миллионерами», слово сохраняет свой смысл. Совместно с плодами жизненной экономии после продажи «Нака» в руках появится капитал, позволяющий снять кассу в офисе и никогда не возвращаться к ней вновь. Совсем не важно, что новый хозяин – а единственный работник фирмы был таким ленивым и безответственным, что балансировал на грани увольнения, но внезапно, к всеобщему удивлению, прижился и остался – был человеком крикливым, лысым и безграмотным.

Теперь он мог стать начальником Шепа. Несомненно, имело смысл стать простым наемным работником в некогда принадлежавшей ему фирме – переименованной в одну ночь в «Умельца Рэнди», название не только неуместное, но и весьма неточное, поскольку Рэнди Погачник был кем угодно, но только не умельцем. Эта мысль крутилась в голове месяц или даже два, пока они упаковывали вещи, распродавали ненужный скарб и думали обосноваться, по крайней мере на время, в доме на Гоа. Тем временем, чтобы капитал не был растрочен, Шеп вложил деньги в инвестиционный фонд, чтобы заработать и сохранить нажитое. «Доу» пошел вверх.

«Месяц или два» растянулись более чем на восемь лет безвольного подчинения капризам откормленного, веснушчатого и дурно воспитанного ребенка и навели на мысль – не стоит позволять так много – о реванше. За время, прошедшее с момента продажи фирмы, качество

работ резко упало, поэтому должность ответственного по работе с клиентами, которая предполагала разбор многочисленных жалоб и которой не существовало в бытность Шеп директором, давала возможность получить работу на полный день.

Возвращаясь в прошлое, конечно, понимаешь всю безрассудность продажи их дома в Кэрролл-Гарденз несколькими годами ранее – на фоне надвигающегося кризиса на рынке недвижимости – и переезда в арендованный дом в Уэстчестере. Шеп с огромным удовольствием остался бы в Бруклине, но Глинис сделала вывод, что единственной возможностью для нее сфокусироваться «на работе» будет побег от «всеразрушающей силы города». Зная его слабость, она так же ловко предусмотрела один важный финансовый момент: школа в Уэстчестере давала образование высочайшего уровня, что позволяло сэкономить на оплате частной школы в Нью-Йорке. Это было чрезвычайно важно для Амелии. Однако позже, когда Глинис решила, что Заку требуется помощь – и это было правдой, – необходимость найти «школу лучше» свелась к самому простому, теперь они оплачивали его обучение в частной школе, лишившее их еще 26 000 долларов. Джексон и Кэрролл обосновались в Виндзор-Террас, где полуразвалившаяся хибара стоила 550 000 долларов. Выгода, полученная Джексоном от роста цен на рынке недвижимости, примирила его с такой суммой, чего не скажешь о Шепе; в те дни жены, едва впустив в дом мужа-мастера, начинали причитать, как невыгодно нынче ремонтировать старые дома, как дороги материалы и инструменты. Одинаковая ситуация наблюдалась во всех больших городах: Лос-Анджелесе, Майами – настоящая коммунальная истерия, словно все население бросилось играть в «Дайлинг фор доллара» с целью получить машину. Возможно, Шеп просто завидовал. Хотя в этом ажиотаже и было нечто безвкусное и отталкивающее, помешательство на игровых автоматах. Сын священника, он не был способен испытать восторг от получения джекпота, как и от всего, не заслуженного тяжелым трудом.

Недвижимость в Уэстчестере втрое возросла в цене за чуть более чем десять лет, потому, да, оглядываясь в прошлое, им следовало бы приобрести ее в собственность – и, не сходя с места, получить больший доход, чем он получил в результате продажи компании, плода двадцати двух лет тяжелой работы. Таким образом население страны, в том числе и Джексон, и делало деньги: не сходя с места. Он сетовал, что это не дает возможности разбогатеть. Налоги на прибыль росли. Джексон жаловался, что только получение наследства и инвестиции – не сходя с места – приносят доход. Шеп сомневался. Конечно, приходилось много работать, но ему воздавалось за труды. Мысль о Лимуру прочно сидела у него в голове, а он получал куда больше, чем доллар в день.

Из этих же соображений Шеп предпочел покупке дома его аренду, продумывая каждую мелочь на пути к достижению цели. Он хотел иметь возможность сняться с места без всякой волокиты – легко, быстро, без оглядки на рынок недвижимости и долгого ожидания продажи дома. Его раздражало самоуверенное спокойствие: все эти болваны с ключами от домов вели себя так, словно скоро начнется очередная бум, а они – настоящие гении бизнеса, финансовые воротилы, а не владельцы всякой рухляди. Может, он и переживал, что упустил возможность подзаработать на недвижимости; однако никогда не жалел о причине, вынудившей пойти на это. Он гордился своей целью, гордился тем, что принял решение уехать. Огорчало только, что пока приходится ждать.

Он старался ни в чем не винить Глинис. Честнее обвинять себя, а не других. Ведь это он стремился к Последующей жизни – он предпочитал не использовать слово *мечта*, – но мечта не может быть общей. Он старался многое ей прощать, и в большинстве случаев это получалось.

Когда они познакомились, у Глинис был свой маленький бизнес на дому, она делала ювелирные украшения, казавшиеся удивительными в эпоху царящей во всем грубости и поверхностности. Она обратилась в «Нак на все руки» с просьбой изготовить для нее верстак, привинчивающийся к полу, а позже, поскольку ей понравился владелец фирмы – его крепкие, жилистые руки и открытое, словно пшеничное поле, лицо, – стеллаж для молоточков, щип-

чиков и напильников. Шеп оценил ее педантичность в требованиях, как и она его тщательность в исполнении. Когда он во второй раз появился в ее квартире для того, чтобы закончить работу, по всей студии были разбросаны многочисленные произведения хозяйки (Глинис смущенно призналась однажды, когда они уже стали встречаться, что намеренно разложила свои переливчатые творения перед красавцем мастером, как «наживку»). Несмотря на то что он никогда не считал себя натурой художественной, украшения произвели должное впечатление. Изящные и чуть странные – например, серия удлиненных булавок для галстука походила на соединенные птичьи кости или браслеты, которые, точно змеи, опутали ее руку до самого локтя. Яркие, воздушные, но строгие, творения Глинис мистическим образом олицетворяли их создательницу. Сложно сказать, влюбился ли он сначала в Глинис или в ее произведения, поскольку позже они стали для него единым целым.

В начале их романа Глинис работала в летнем лагере и по совместительству в ювелирной мастерской, чтобы иметь деньги на оплату жилья. Иногда она выставляла свои кольца в небольших галереях. Бывали моменты, когда она тряслась в лихорадке при мысли об оплате телефонных счетов. Несомненно, любой мужчина проявил бы инициативу и взял это на себя, тем более что Глинис – дисциплинированная, скромная и яркая – могла бы составить достойную партию. (Поразмыслив, он решил, что так и есть.) Кроме того, он никогда не планировал копить на Последующую жизнь в одиночку.

Мужчина, менее склонный к благотворительности, мог бы почувствовать себя обманутым. Беременность стала весомой причиной позволить ее инструментам остаться без дела, но это продлилось лишь восемнадцать месяцев за все двадцать шесть лет. Материнство не казалось большой проблемой, и ему потребовались годы, чтобы понять, как он ошибался. Глинис требовалось постоянное сопротивление, именно это необходимо металлу. В какой-то момент преодоление перестало казаться ей сложным, никакого тяжелого труда, необходимости тратить около трех недель для соединения нескольких маленьких деталей воедино. Муж обеспечил ей достойную жизнь, позволяющую просыпаться к полудню, пролистывать журналы «Ластер», «Америкэн крафт магазин» и «Лэпидари джорнал», а счета продолжали оплачиваться. По этой причине появилась потребность испытывать необходимость хоть в чем-то. Она не была способна избавиться от страданий, поскольку, если творческий процесс завершен, готовое произведение могло вызвать острые эмоции только в крайнем случае. В определенном смысле его забота наносила ей вред. Обеспечив ей финансовую подушку, покоясь на которой можно спокойно заниматься чем только металл пожелает, он разрушил ее жизнь. Окутал расслабляющей кисеей уступчивости, одарил праздностью, как смертоносным даром.

Глинис была ленива. Поскольку она все еще занималась творчеством (хоть и мысленно, но его это ранило), все остальные домашние заботы квалифицировались как помехи, в связи с чем выполнялись поспешно, будто нехотя. Не то чтобы она ничем не занималась, но заботила ее только работа с металлом. Она погрузилась в создание столовых приборов и шла по жизни, позвякивая своими побрякушками, сделанными с помощью множества самых порой неожиданных инструментов. В доме появилась лопаточка для рыбы; несколько великолепных столовых приборов; тончайшей работы китайские палочки с чуть сплюснутыми, словно подтаявшими концами. До сих пор каждое новое произведение было плодом таких невероятных мук и творческих исканий, что, закончив, она не могла решиться его продать.

Единственное, чего она точно не делала, – так это денег. Лишь однажды, когда Зак и Амелия уже ходили в школу, он позволил себе заметить вслух, что она не заработала за всю жизнь и десяти центов. Глинис вспыхнула от злости и окинула его леденящим душу взглядом (больше он себе ничего подобного не позволял). Но ее нулевой вклад в общую копилку не воспринимался Шепом как недостаток. Для него это был просто факт. Как было фактом и то, что, когда они поженились, Шеп не собирался вечно тащить на себе весь груз домашних забот, но делал это.

Кроме того, он ее понимал. Вернее, началось с того, что он понял, сколь многого не понимал. Географические поиски Шепа становились все более вялыми, и он пришел к выводу, что надо что-то делать, и сделал. Для Глинис перейти от принятия решения к действию было равно прыжку через реку, на которой смыло мост. Иными словами, мотор у нее работал исправно, а зажигания не было вовсе. Глинис могла принять решение, но на этом останавливалась. Таков был ее характер, издержки воспитания, возможно, но исправлять их было уже поздно.

Много лет не позволяя себе упоминать об этом, он не должен был допускать, чтобы все вырвалось наружу однажды за завтраком, пару лет назад (во время непростого периода в «Умельце Рэнди»), когда он посетовал на то, что они не могут откладывать на Последующую жизнь, потому что... Не успел он закончить предложение, как Глинис, не произнеся ни слова, встала из-за стола и направилась к выходу. Вернувшись вечером того же дня домой, он застал жену за работой. Поистине странно, что расшевелить эту женщину можно было не мольбами, а оскорблениями. С тех пор она занялась разработкой моделей для «Живущих во грехе», фирмы высококлассного шоколатье, чья фабрика была расположена неподалеку в Маунт-Киско. В тот месяц они начали производить товар для Пасхи. Вместо полировки авангардных столовых приборов, достойных, по ее мнению, стать экспонатами музея, его жена мастерила формы зайчиков, чтобы потом их отлили из шоколада и заполнили апельсиновым кремом. Занятость была частичной и не приносила значительного дохода. Ее зарплата вносила смехотворный вклад в общую казну. Тем не менее она продолжала работать.

Единственное, что он мог сделать, – позволить ей и дальше заниматься этим. Она ничего не могла с собой поделать. Да и зайчики получались веселые.

Когда тебя постоянно ругают, это очень раздражает и не вызывает положительной реакции. Он не требовал благодарности, но не рассчитывал вызвать обиду, поскольку это еще больше отдаляло бы их друг от друга. Глинис возмущало ее зависимое положение, она находила его оскорбительным. Раздражало ее в большей степени не то, что она не стала знаменитым мастеромковки, а то, что ее профессиональная несостоятельность была очевидна всем, включая и ее саму, и произошло это исключительно по ее собственной вине. Глинис раздражало то, что дети отвлекали ее от работы, когда были маленькими; а поскольку они уже выросли, то раздражали тем, что больше не требовали внимания. Ее раздражало, что муж, а теперь еще и независимые дети украли у нее самое дорогое: ее отговорки. Раздражение порождало еще более негативную ответную реакцию, и ее начинало раздражать собственное раздражение. Не обладающая по своей природе склонностью жаловаться, она чувствовала себя еще более оскорбленной.

Шеп по складу характера был всегда и во всем настроен положительно, хотя и у него было множество поводов для раздражения, которые он старался не замечать. Он, как мог, помогал жене и сыну. Поддерживал и дочь, которая уже три года училась в колледже. Заботился и о престарелом отце, и о том, чтобы не оскорбить этой самой заботой достоинство столь уважаемого человека. Он несколько раз давал «кредиты» сестре Верил, которые она никогда не возвращала и, по-видимому, не собиралась выплачивать в будущем; однако они все равно считались именно «кредитами», а не подарками, поэтому Верил не чувствовала себя неловко. Он полностью взял на себя оплату похорон матери, и, поскольку больше желающих не нашлось, он не настаивал и все сделал сам. В семье у каждого была своя роль, Шепу предписывалось за всех платить. Все его родственники воспринимали это как должное, поэтому и он воспринимал свою роль так же.

Он редко покупал что-то лично себе, но ему ничего и не было нужно. Или одна вещь ему все же была нужна. Почему именно сейчас? Почему, когда прошло уже больше восьми лет с момента продажи «Нака», а девять могло и не наступить? Почему, если это могло случиться сегодня вечером, не могло случиться завтра?

Потому что в штате Нью-Йорк было начало января и стояли холода. Потому что ему уже исполнилось сорок восемь, и чем неумолимее приближалась цифра «пятьдесят», тем явственнее Последующая жизнь, если он до нее доживет, представлялась просто ранним выходом на пенсию. Потому что его «беспроектный» инвестиционный фонд только в последний месяц сравнялся с суммой первоначальных вложений. Потому что по своей наивности он на голову превзошел тех, кто казался заинтересованным в обгоне всех в этом мире планирования, проверки машин, пробок на дорогах и телемаркетинга. По мере того как окружение его взрослело, восторженные возгласы за спиной походили на насмешку. А иногда и не за спиной, например в «Умельце Рэнди», где его, Шеп, «мечта о побеге», как называл его план Погачник, неустанно вызывала веселье. Он сам стал сомневаться в реальности Последующей жизни, подготовку к которой в случае отсрочки исполнения он просто не мог продолжать. Он, словно глупый осел, не видящий морковки перед собственным носом, размяк, соблазнившись неожиданной отсрочкой, не пытаясь даже подумать о том, что может уехать хоть завтра, как мог уехать и сегодня.

Теперь же ощущение абсолютной свободы делало этот пятничный вечер восхитительным.

Когда Глинис открыла входную дверь, Шеп виновато повернулся к ней. Он столько раз репетировал, но сейчас сценарий вылетел из головы.

– Бурбон, – сказала она. – Особенный случай?

Отбросив застрявшую в голове мысль, он хотел объяснить, что случай вовсе не особенный, что само по себе было особенным.

– Привычки для того и существуют, чтобы их менять.

– Некоторые. – Она подошла, сняв пальто.

– Хочешь?

Глинис его удивила.

– Да.

Глинис по-прежнему оставалась стройной, люди неблизкие даже не предполагали, что ей почти пятьдесят, но сегодня она выглядела такой утомленной, что ей можно было дать и семьдесят пять. Усталость стала проявляться в ее облике по крайней мере с сентября, она боролась с постоянными приступами лихорадки и подавленности, на которые он старался не реагировать. Кроме того, в последнее время у нее появился небольшой животик, хотя тело по-прежнему оставалось худым; столь непропорциональные изменения в фигуре были свойственны ее возрасту, и он, будучи человеком тактичным, старался воздержаться от комментариев на эту тему.

Они оба любили побаловать себя крепкими напитками, и он дорожил этой их общей привязанностью. Брошенное им «Где ты была?» прозвучало как обвинение.

Глинис умела быть уклончивой в ответах, но никогда не отмалчивалась. Он смирился и с этим.

Свернувшись в своем любимом кресле со стаканом виски со льдом, Глинис поджала колени. Ей всегда хотелось чувствовать себя защищенной, она словно скрывалась в невидимом коконе, но сегодня это было особенно очевидно. Может быть, она задолго поняла его намерения. Когда он извлек из внутреннего кармана три листочка распечатанных электронных билетов и положил на стеклянный столик у Свадебного фонтана, она изогнула бровь:

– А подробнее?

Глинис, женщина утонченная, была ему необходима – Шеп навсегда попал в ее сети. Он медлил, размышляя, не станет ли без Глинис, не вставшей на его сторону, Последующая жизнь пустой и унылой.

– Три билета до Пембы, – ответил он. – Я, ты и Зак.

– Очередная исследовательская поездка? Мог бы подумать об этом перед Рождеством. У Зака уже начались занятия.

Несмотря на то что не в ее правилах было, говоря о чем-то, подразумевать нечто другое или ссылаться на кого-то, сейчас в ее словах «исследовательская поездка» мелькнула интонация Погачника, произносящего «мечты о побеге». От него не ускользнуло то, с какой решительностью она выдвигала причину, дающую понять, что его каприз неуместен, ловко избегая даже малейшего намека на собственное недовольство. Шеп всегда полагался в решении проблем лишь на собственные способности; Глинис же полагалась на свои, чтобы выдвинуть контраргументы, которые выведут разговор в нужное ей русло. Он не возражал, если только им не приходилось решать проблемы, интересующие обоих.

– Все три билета в один конец.

Он полагал, что, когда Глинис вникнет в сказанное им, когда осознает, *что* он сейчас так небрежно бросил на стеклянный столик, ее лицо станет мечтательным, на нем появится выражение понимания или, напротив, готовности к сражению. Вместо этого оно приняло выражение крайней озадаченности. Он не раз сталкивался с насмешками в «Умельце Рэнди» («Да уж, конечно, ты же в любой день можешь уехать в Африку, ты и Мерил Стрип») и подчас, хотя это и наполняло его чувством презрения к себе, смеялся вместе со всеми. Но скептицизм во взгляде Глинис убивал его наповал. Он подозревал, что она больше не поддерживает его, однако не предполагал, что все настолько ужасно.

– Расточительно, – спокойно произнесла она, поджав губы и растянув их в легкую улыбку. – На тебя не похоже.

Она правильно подметила, поскольку билеты в один конец стоили дороже, чем туда и обратно.

– Жест щедрости, – ответил он. – Я о деньгах.

– Я и не предполагала, что речь может идти не о деньгах. Вся твоя жизнь, Шепард, – заявила она, – была посвящена деньгам.

– Но ведь не ради их самих. Я никогда не был жаден, как многие другие, ты знаешь – им нужны деньги просто для того, чтобы чувствовать себя богатыми. Я же собирался их тратить.

– Я долго в это верила, – грустно сказала она. – Сейчас я думаю, понимаешь ли ты сам, что хочешь купить. Кажется, еще меньше, чем то, для чего ты их копил.

– Понимаю, – продолжал он. – Я хочу купить себя. Возможно, я сейчас похож на Джексона, но он прав в определенном смысле. У меня был долгосрочный контракт. Это совсем не свободная страна с данной точки зрения. Если хочешь получить свободу, тебе придется ее купить.

– Свобода – это как деньги, не так ли? Обладать ею бессмысленно, если не знаешь, как распорядиться. – Аргументы казались пустыми, даже скучными.

– Мы обсуждали, как я хочу ими распорядиться.

– Да, – устало кивнула она. – Постоянно.

Он проглотил обиду.

– Часть похода – выбор направления.

При всем желании Шеп не смог бы завести с ней разговор, еще больше отдаляющий их друг от друга.

– Гну, – протянул он, выделяя «Г»; эта внезапная нежность призывала вспомнить их первую поездку в Кению, когда она изображала этих животных, поднимая руки над головой, имитируя рога, и придавала своему продолговатому лицу жалобное и грустное выражение. Эти ужимки были по-детски трогательными. Он стал называть ее Гну и только позже – много позже – заметил с огромным удивлением, что уже никак ее не называет. – Это настоящие билеты. На настоящий самолет, который отправляется через неделю. Я очень хочу, чтобы ты поехала со

мною. И чтобы Зак поехал с нами, и, если есть шанс уехать, как настоящая семья, я готов за волосы тащить его по трапу. Но *я еду в любом случае*, с вами или без вас.

Черт бы побрал Глинис, если это ее не раззадорит.

– Значит, ультиматум? – Она поднесла бокал к губам, словно хотела скрыть улыбку.

– Приглашение, – уточнил он.

– Через неделю ты планируешь сесть в самолет, улететь на остров, где никогда не был, и провести там остаток жизни. Для чего же были все эти «исследовательские поездки»?

В этом *ты* вместо *мы* и был ее ответ, он не был готов к столь неожиданному решению. Хоть он старался быть реалистом, но все же надеялся, что Глинис и Зак в конце концов полетят с ним в Пембу. Все же их разрыв только намечался, и он не терял надежды, что – впервые в жизни – она еще может передумать.

– Я выбрал Пембу намеренно, поскольку мы ни разу там не были. А это значит, ты не сможешь выдвинуть миллион причин, почему стоит рассмотреть другие варианты.

Когда она ничего не ответила, он принялся вспоминать, о чем думал сегодня днем, выворачивая руль, чтобы отъехать от Генри Гадсон.

– Гоа кажется вполне подходящим местом, но, как только прочтешь об убийстве Бриттон местными жителями в собственном доме, сразу становится страшно. Всего одно убийство. Словно люди никогда не убивали друг друга в Нью-Йорке. Болгария очаровывает, когда вы оказываетесь там впервые, привлекает широтой, почтовой службой и чистотой воды. Но еда безвкусна. *Еда*. Мы даже не смогли раздобыть хоть немного чеснока или розмарина. Тем временем цены на недвижимость стали расти, и теперь уже поздно. Дитто-Еретриа влекла вначале: молодая страна, приветливые жители, на каждом шагу можно выпить эспрессо, но архитектура ужасна. Теперь, к твоему счастью, правительство подало в отставку. Тебе нравилось Марокко, помнишь? Аромат корицы и дома терракотового цвета. Ни еда, ни пейзаж не были *безвкусными*. Казалось, что это то самое место, и мы даже решили задержаться, но у мамы случился инсульт, и мы опоздали всего на полдня, чтобы проститься.

– Ты все компенсировал.

Да, оплатил похороны. Если бы Шеп не предложил семье помощь, это сделала бы за него Глинис.

– Но после 11 сентября, – упорно продолжал он, – неожиданно все мусульманские страны – включая, к моему огромному сожалению, и Турцию – были вычеркнуты из списка. У нас имелась еще одна потрясающая возможность обосноваться в Аргентине, когда рухнула валюта. Во время финансового кризиса мы могли купить хоть что-то в Северо-Восточной Азии. Но сейчас их экономики пришли в норму, и нам уже не хватит средств прожить там лет тридцать – сорок. На Кубе невозможно жить из-за отсутствия шампуня и туалетной бумаги. В Хорватии из-за волокиты с оформлением документов на жительство. Трудобобы Кении вызывали депрессию; вообще в Южной Африке тебя не покидало чувство вины за белый цвет кожи. Лаос, Португалия, Тонга и Бутан – я даже уже не вспомню, что там было не так, хотя... – он подавил в себе нарастающую злость, – уверен, ты помнишь.

В облике Глинис появилась угрожающая мягкость, она определенно была собой довольна.

– А ты вычеркнул Францию, – сладко пропела она.

– Верно. Нас бы задушили налоги.

– Всегда деньги, Шепард, – пожурила она его, словно шаловливого ребенка.

Его поражало, как люди, считающие себя выше денег, – высокодуховные натуры, как его сестра или их старик отец, – оказывались именно теми людьми, кто не заработал ничего, чтобы иметь право так утверждать. Глинис прекрасно знала, что в Последующей жизни они должны быть хорошо обеспечены материально, иначе существование превратится лишь в банальный длинный отпуск.

– Но ты решила перекрыть мне все пути к действию, так ведь? – не унимался он. – Тебя не только не устраивала каждая страна, но и время отъезда. Нам пришлось ждать, пока Амелия окончит школу. Нам пришлось ждать, пока Амелия окончит колледж. Нам пришлось ждать, пока Зак окончит начальную школу. Теперь среднюю. А почему не колледж? Нам пришлось ждать, пока наш инвестиционный фонд пополнится после кризиса, потом после 11 сентября. Что ж, теперь все в порядке.

Шеп не привык говорить так долго и сейчас из-за пустой болтовни чувствовал себя глупо. Он, как Глинис, был зависим от этого сопротивления, вернее, ее сопротивления.

– Хочешь сказать, я вел себя эгоистично. Возможно. Но лишь однажды. И это не касается денег, речь о... – он помолчал, смутившись, – о моей душе. Ты, конечно, скажешь, нет, уже сказала, что это будет не то, чего я ожидал. Но и это я ожидал. Поверь, меня никогда не занимала мысль провести остаток дней на пляже. Солнце быстро надоедает, я отлично это понимаю. Даже скажу больше: я планирую спать восемь часов. Кажется, что мало, но это не так. Я обожаю спать, Глинис, и... – Нельзя молчать, словно проглотил язык, только не сейчас, пока не выговорился до конца. – И особенно мне нравится спать с тобой. Если я скажу на вечеринке в Уэстчестере, что намерен спать по восемь часов в день, они меня засмеют. *Засмеют*. Для работающего человека эта мысль настолько абсурдна, что над ней можно только посмеяться.

Поэтому мне все равно, поеду ли я в Пембу или куда-то еще, где постоянно отключают электричество. Что будет, если и на этот раз я отступлюсь? В глубине души я осознаю, что этого никогда не случится. Даже не видя другого берега, я буду плыть вперед, Гну. Мне надоело постоянно подчищать и исправлять все за этими увальнями в безруком «Умельце Рэнди». Мне надоело часами стоять в пробках на шоссе и слушать Эн-пи-ар. Мне надоело постоянно заезжать за молоком в «Эй-энд-Пи» и получать «бонусы» на нашу накопительную карту супермаркета, чтобы, потратив за год тысячи долларов на продукты, выиграть бесплатную индейку ко Дню благодарения.

– Не самая плохая жизнь.

– Возможно, – ответил он. – Хотя я не уверен. Мы повидали немало нищеты – смердящие нечистотами сточные каналы и женщин, вылавливающих из них шкурки манго. Но они знают, почему так живут, и уверены, что, будь у них в кармане несколько шиллингов, или песо, или рупий, все изменится к лучшему. Страшно, когда постоянно твердят, что тебе выпала самая счастливая доля, а с годами ничего не меняется, вокруг все то же дерьмо. Говорят, что это самая великая страна в мире, но Джексон прав: это блеф, Глинис. У меня уже штук сорок разных «паролей» для банковских карт, телефонов, кредитных карт, интернет-адресов и сорок же разных счетов, и все это существует и действует. Мне все это отвратительно, физически отвратительно. Огромные торговые центры в Элмсфорде, «Кеймарт», «Уолмарт», «Хоум-дипоу»... кругом пластик, хром, яркие контрастные цвета, и все бегут – куда?

Нет, ему не показалось. Она действительно его не слушала.

– Извини, – пробормотал он. – Ты все это уже слышала. Возможно, я и ошибаюсь и действительно через несколько недель примчусь домой виноватый и с поникшей головой. Но я лучше попробую и признаю, что ошибался, нежели сразу откажусь от этой идеи. Это будет для меня равносильно смерти.

– Думаю, у тебя все получится. – Голос звучал так размеренно, в каждой интонации было столько мудрости и сдержанности, которую он не замечал раньше. – И вовсе это не похоже на смерть. Ничто в этом мире не похоже на смерть. Мы просто используем эту метафору для более мелких и низменных чувств.

– Если таким образом ты предполагаешь заставить меня изменить решение, знай, это не работает.

– Когда ты планируешь покинуть родные берега?

– В следующую пятницу. Рейс на Лондон в 22:30. Затем в Найроби, в Занзибар и Пембу. У вас с Заком будет время подумать до закрытия стойки регистрации. Я решил убраться из дома пораньше, чтобы вам не мешать. – *Дать вам возможность соскучиться по мне* – вот что он имел в виду. *Соскучиться, пока есть шанс все изменить*. И, честно говоря, он боялся ее. Если он останется, у нее появится возможность его отговорить. Она мастер на такие штучки. – Я поживу у Кэрол и Джексона. Они меня ждут, ты сможешь найти меня там в любое время, пока я не улечу.

– Надеюсь, ты не улетишь, – сказала Глинис, как-то немного лениво.

Взяв со стола стакан, она встала и расправила брюки тем жестом, который он характеризовал как «приведение себя в порядок», чтобы отправиться готовить еще один весьма обычный ужин.

– Раз уж ваш Рэнди такой умелец, попроси, пусть подберет мне страховку получше.

Тем же вечером, когда Глинис все еще возилась в кухне, Шеп проскользнул в спальню и выложил из чемодана банный халат. Две рубашки он вернул на место в третий ящик комода, разгладив образовавшиеся заломы. Затем нашел плоскогубцы, отвертку и ножовку и разложил по ячейкам в большом красном ящике с инструментами. Наткнувшись на расческу, занимавшую свое место рядом с коробкой из-под сигар, в которой хранилась оставшаяся от предыдущих поездок иностранная валюта, он взял ее и задумчиво провел по волосам.

Глава 2

– Он никогда не сможет уехать, – сказала Кэрол, перебирая веточки рукколы.

– Ерунда, – отмахнулся Джексон, выживая кусок итальянской колбаски из острого соте. – Он уже купил билет. Я видел его своими глазами. Вернее, их. И сказал, что не стоит зря тратить деньги еще на два. Она не поедет, это уж точно. Я это понял еще раньше Шепа. Глинис воспринимала эти поездки как увлекательную игру. Игру, от которой она уже устала.

– Ты всегда думал, что я считаю его малодушным, а это не так. Просто он слишком ответственный человек. Он никогда не бросит семью в трудную минуту; это не в его характере. Уйдет и не обернется? Начнет жизнь с чистого листа почти в пятьдесят? Ты когда-нибудь встречал таких людей? Даже если он и уедет, чтобы что-то доказать, то очень скоро вернется домой. Флика, уже прошло полчаса. Ты закапала искусственные слезы?

Их старшая дочь издала звук, похожий одновременно на глубокий вздох, стон и бляение. Эти внутриутробные звуки могли означать как согласие, так и отрицание. Она быстрым движением сунула руку в карман, достала маленький полиэтиленовый пакетик и поочередно поднесла к каждому глазу пузырек, который всегда напоминал Джексону бомбу «Толстяк», сброшенную на Нагасаки. Как обычно, глаза защищало, ресницы намокли и слиплись от геля.

– Что, поджала хвост? – спросил Джексон. – Никакого уважения к мужской гордости.

– Ах вот как? – Кэрол буквально испепелила его взглядом. – Ладно, где находится эта Пемба?

– Недалеко от побережья Занзибара, – ответил Джексон. – Славится тем, что там выращивают гвоздику. По всему острову стоит запах этой пряности. По крайней мере, так говорил мне Шеп. Так и вижу его покачивающимся в гамаке, со стаканом виски в одной руке и куском тыквенного пирога в другой.

– А я готова поспорить, что он уедет, – подала голос Флика. – Если он сказал, значит, так и сделает. Шеп никогда не лжет.

Ее, шестнадцатилетнюю, часто принимали за младшую сестру, которой было одиннадцать; откровенно говоря, следовало рассчитывать ее возраст как возраст животного относительно человеческого, и это означало бы, что ей скоро стукнет сто три. Сейчас, являясь свидетелем вечного противостояния, Флика, и это очевидно, мысленно была очень далеко отсюда.

Джексон взъерошил ее светлые волосы. В детстве они всегда стригли их коротко, чтобы они не были постоянно перепачканы рвотными массами, но после операции фундопликации ее может стошнить только чем-то твердым, поэтому Флика решила отрастить волосы.

– Вот уж неверующая!

– А что он там будет делать? – не отступала Кэрол. – Модернизированные фонтаны для стран третьего мира? Шеп не такой человек, чтобы валяться в гамаке без дела.

– Не обязательно фонтаны. Он может рыть колодцы. Шеп привык приносить пользу. С этим ничего не поделаешь. Доведись мне жить в грязной полуразвалившейся хибаре, я бы хотел иметь такого соседа.

– Флика, немедленно отойди от плиты!

– Я вовсе не рядом с плитой, – ответила Флика, сохраняя свой обычный невозмутимый вид. Она всегда говорила в нос, словно у нее были проблемы с аденоидами, и казалась пьяной, как Стефан Хокинг после бутылки «Уайлд Терки». Голос всегда звучал грубо, это стало чертой ее характера. Джексон обожал ее за это. Она отказывалась играть роль задорного, жизнелюбивого ребенка-инвалида, поражающего окружающих мужеством и отвагой.

– Порежешься! – сказала Кэрол, вырывая нож из рук Флика, и швырнула его на столешницу.

Флика, пошатываясь, вернулась к столу той походкой, которую обычно называют неуклюжей, но Джексон считал, что в ней есть необъяснимая грация: туловище слегка покачивалось из стороны в сторону, руки чуть разведены, помогая держать равновесие, шажки мелкие, с пятки на носок, словно она шла по канату.

– Ты что думаешь, – произнесла она, – я покрошу пальцы в салат, приняв их за морковку?
– Не смешно, – сказала Кэрл.

Да, это не смешно. Когда Флике было девять, она решила помочь приготовить салат из свежих овощей, и Джексон просто чудом заметил, что капуста меняет цвет – с зеленого на красный – и обратил внимание, что у дочери на указательном пальце нет одной фаланги. В больнице ее пришили, но с тех пор они никогда не ели салат из капусты. Возможно, это и не плохо, что твой ребенок нечувствителен к боли настолько, что способен отрезать себе кусок пальца даже без местной анестезии, но, когда Джексон рассказал об этом коллегам, их лица побелели. Он постарался объяснить, что такие дети могут сломать ногу и заметить открытый перелом лишь через некоторое время, поняв, что им что-то мешает бегать. Для Флики ушибы и кровоточащие раны были лишь досадной неприятностью, наподобие прорвавшегося случайно пакета с рисом или скользкого пола.

– Никогда не понимала, почему ты так хочешь, чтобы Шеп уехал из страны? – продолжала Кэрл. – Он же твой лучший друг. Не будешь по нему скучать?

– Конечно, малыш. Буду скучать по этому сукиному сыну.

Джексон взял еще пива и подумал, что он точно не будет скучать по сомнениям Шеп относительно фирмы. (Про себя он до сих пор называл ее «Нак на все руки», каким бы нелепым и безвкусным оно ни было, но за годы накрепко засело в мозгу.) Скорее всего, следовало подождать, пока Шеп сядет в самолет, но он не смог сдержаться сегодня днем после ланча, когда веб-дизайнер сделал несколько ехидных замечаний. Джексон с огромным внутренним удовлетворением сообщил, что Шеп уже купил билет, *лузер*, и с этого дня ему больше не надо приходить в этот ненавистный офис. К счастью, это заставило кретина замолчать. Несмотря на то что он не обсуждал это с Кэрл, у него возникла идея, что они могли бы навестить Шепу, когда тот устроится на новом месте. Хотя он сам себе не признавался, что имеет весьма смутное представление о том, как повезет всю семью в Пембу. Конечно, Кэрл сейчас даже думать об этом не захочет, но он уверен, что настанет момент, когда всем станет ясно, что перемена места просто необходима.

– Хоть кому-то удастся выбраться отсюда и добиться чего-то лучшего, верно? – сказал он, делая внушительный глоток пива, и вытянул ноги. – Господи, пусть хоть эмигранты получают эту возможность. Так и вижу, как все коренное население этой огромной страны собирает вещи, закрывает за собой дверь и *массово* выбрасывает ключи. Затем все разбредаются по заброшенным деревням в Мозамбике и Канкуне и селятся в пустующих домах местных жителей, которые как раз в тот момент моют туалеты где-нибудь в Кливленде. Если им так хочется здесь жить, пусть живут, черт возьми. Они могут работать как проклятые и отдавать половину зарплаты правительству, которое иногда будет ремонтировать для них тротуары, если повезет, и тратить их деньги на вторжение в другие страны с такой легкостью, словно это их собственные доходы. Их жилье с двумя спальнями будет стоить больше, чем они могут заработать за всю жизнь, их дети не будут уметь считать, но будут профи по части «собственного достоинства»...

– Джексон, не начинай.

– Я и не начинаю. Я только сказал...

– Я не хочу, чтобы Флика волновалась.

– Ты из-за меня *волнуешься*, Флик?

– А ты *не начинай* говорить о налогах, иждивенцах и своих Сатрапах и Слюнтяцах, – прогудела Флика. – О том, что миром завладели азиаты. Что никто в этой стране не производит

ничего, что не сломалось бы после первого же использования. О том, что они развращают наших детей. Тогда я *волнуюсь*, да.

Эта девочка выглядела десятилетней, а рассуждала как вполне взрослая, если не сказать, пожилая женщина, но следует признать, что Флика всегда была умненькой – «человек широких возможностей», эту фразу Джексон почему-то всегда воспринимал как оскорбление. Не совсем честно по отношению к Кэрол, на которую легла основная масса забот о девочке, но Флика оставалась папиной дочкой. Она всегда была бледным, худеньким ребенком с плохими волосами, воспаленными прыщами и – он никогда не слышал о таком до вынесения врачами вердикта – синдромом семейной вегетативной дисфункции. Он был сорокачетырехлетний, крепкий молодой мужчина, с баскскими корнями, но их эмоциональное состояние было весьма схожим, его можно было охарактеризовать одним словом: *отвращение*.

– Когда будешь повторять эту ерунду о том, «что миром завладели азиаты», не забудь добавить, что папа говорит: они это заслужили, – проворчал Джексон; окажись рядом кто-то, способный расшифровать ее нечленораздельную речь, содержащую столь смелые расистские выпады, у Флики, а особенно у ее отца могли бы возникнуть крупные неприятности. – Китайцы, корейцы – они упорно трудятся, игнорируя при этом советы стариков учителей прежде выучить таблицу умножения, учить до тех пор, пока она не засядет у них в кишках. Они истинные американцы и оккупировали все наши лучшие университеты не по обмену, а заслугам.

Как и обычно, Кэрол не обращала на его речи ни малейшего внимания. Устав от безделья в «Наке», он начинает выискивать на сайтах малоизвестные факты и сообщает потом семье, но жене всегда казалось, что она уже где-то это слышала, но давно выбросила из головы. *Некоторые* женщины были бы благодарны мужчине, приносящему каждый день в дом новую, любопытную (если не сенсационную) сплетню, у которого к тому же есть индивидуальный, очень острый (возможно, немного пессимистичный) взгляд на вещи и индивидуальное восприятие мира. Чего не скажешь о Кэрол, которая казалась вполне довольной своей ролью, покорно отмывала майонез, остатки которого он всегда размазывал по всей тарелке, аккуратно делала пожертвования в Фонд патрульных полицейских, не принимая в расчет, что слово *благотворительность* не ограничивается расстоянием в пять миль, и которая настояла на том, чтобы бюрократическая машина распорядилась большей частью его дохода, полагая, что проявляет таким образом заботу об обществе. В общем, она предпочла бы иметь мужа, купившегося на это промывание мозгов и зараженного идеей «патриотизма», который превратил простой факт рождения в бессмысленное марширование на митингах в средней школе, чему Джексон предпочитал тусовки на лестнице.

Естественно, все ее старания претерпевали крах, иначе Кэрол не была бы такой, какой стала. Когда он впервые ее увидел, она занималась ландшафтным дизайном в том же доме, где он долго выполнял работы из гипсокартона; их сблизило то, что оба считали владельца полным придурком и оба находились в одинаково зависимом от него положении. После колледжа она бралась за любые заказы и училась и вскоре должна была получить диплом университета в Пенсильвании, хотя ее отец (он всегда полагал, что дочь вышла замуж под давлением) был вовсе не доморощенным «мастером», а владельцем вполне солидной фирмы, занимающейся строительством. Джексон заинтересовался симпатичной молодой женщиной, которая не боялась замарать руки и сама перетаскивала тридцатифунтовые брикеты торфа. Но больше всего его привлекало в ней умение спорить. Она не соглашалась с ним ни по одному вопросу и казалась очень довольной этим, вот так за пивом после трудового дня у них все и сладилось. Сейчас она вела себя так, словно победила во всех спорах, что было довольно странно, поскольку Джексон не помнил, чтобы проиграл хоть в одном.

Еще в ней никогда не было отравляющей жизнь серьезности и занудства. Она была смешливая, по крайней мере, всегда смеялась над его шутками, что доставляло ему даже большее

удовольствие, чем подтрунивать над ней. Это его качество передалось и Флике. Ответственность меняет людей. По этой причине Кэрол больше никогда не пила даже пиво: в любое мгновение их дочери может потребоваться помощь матери, и жизнь Флики будет зависеть от ее способности трезво мыслить. Это то же самое, что быть вечным дежурным врачом. Всегда надо находиться на связи.

Джексон решил вернуться к теме, которая, казалось, занимала его жену.

– Хорошо, ты не понимаешь, почему для меня важно, что Шеп приблизился к выходу из этого театра абсурда под названием «свобода». Давай посмотрим на ситуацию с другой стороны. Почему *для тебя* было так важно, чтобы это не произошло?

– Я не говорила, что для меня это «важно», – возразила Кэрол. – Я сказала, что он не тот человек, чтобы бросить семью в трудную минуту.

Джексон медленно опустил ноги на пол с голубым покрытием «мармолеум» от «Форбо». (И кто помогал им его положить? *Шеп Накер*.)

– Тебе просто претит сама мысль о том, что кому-то удалось вырваться! Что кто-то отказывается тащиться по жизни, исполняя каждое движение чисто механически, маршрутируя в шеренге прямоком в могилу! Что существует такое понятие, как *Человек с большой буквы*. Смелый! Мыслящий! *Волевой!*

– Хочешь поругаться? Отлично, это самый верный способ расстроить твою дочь. Давай продолжай, – бубнила себе под нос Кэрол с той монотонностью, которая больше походила на помешательство. – Не тебе придется потом впихивать ей диазепам в задницу, потому что глотать его она отказывается.

В продолжение разговора о лекарствах в кухню очень кстати вошла Хитер и спросила:

– Еще не пришло время для моего кортомалофрина? – Джексон понятия не имел; никогда не помнил, надо его принимать до или после еды.

– Хитер, мне надо сейчас заняться ужином, у нас будет гость, и он должен прийти с минуты на минуту. Думаю, тебе лучше принять лекарство вместе с Фликой после еды.

– Но я как-то странно себя чувствую, – запротестовала Хитер, слегка покачнувшись. – Голова кружится, тело ломит, жарко и все такое. Я ни на чем не могу сосредоточиться.

– Ох, хорошо. Налей себе молока.

Кэрол отперла верхний шкафчик, где под замком хранились леденцы, и это было частью их спектакля. Таков кортомалофрин, название было придумано ими спонтанно, после того как годами в их жизни присутствовал катапрес, клоназепам, диазепам, флоринеф, риталин, проаматин, депакот, ламиктал и нексиум, которые составились в считалочку для Флики, похожую на стишок из «Алисы в стране чудес». Как и когда принимать кортомалофрин, было по всем правилам указано в рецепте. Джексон с удивлением узнал, что в арсенале фармацевтов наряду с лекарственными препаратами существуют так называемые таблетки плацебо, очевидно, не одна Хитер чувствовала в них потребность и жадно тянулась к маленьким коричневым пузырькам из «Гуд энд Плентиз» по десятке за штуку.

Кэрол вытряхнула на ладонь три шарика, и Джексон отвел взгляд. Он считал все это чепухой. Ох, он говорил Кэрол, что Хитер просто хочет подражать сестре, постоянно принимающей всевозможные пилюли. Девочке необходимо больше внимания, и фальшивый рецепт – не выход из положения. Ее следует научить ценить хорошее здоровье и беречь его. Когда Кэрол была беременна Фликой, в лабораториях еще не проводили обследование на семейную вегетативную дисфункцию, поэтому им сказали, что с малышкой все в порядке, и будущие родители расслабились. (Ха, ха, в скором времени их ждал большой сюрприз. Когда их педиатр *наконец-то* объявил им какой-то диагноз, похожий на вердикт девятнадцатого века вроде «синдрома тотального отказа», объяснив тем самым нежелание новорожденной брать грудь, потерю веса и постоянную рвоту, его было очень сложно осознать, памятуя о заверениях врачей во время первого триместра.) Слава богу, во время второй беременности Кэрол обследование

уже проводили, и они знали, что вероятность того, что и у второго ребенка будет подобный синдром, один к четырем, они волновались до самых родов. Когда акушер с улыбкой сообщил, что все хорошо, мама Хитер расплакалась от счастья. Интересно, Хитер никогда не думала о том, что если бы в утробе у нее нашли ген СВД, то сейчас ни о какой ревности к родительскому вниманию не было бы речи? Нет, конечно, ребенку не говорят о том, что мать была буквально в шаге от прерывания беременности.

И старшей дочери об этом также не говорили, поскольку было совершенно ясно: знай они об этом, обязательно дразнили бы Флику. Он никогда не согласился бы на такой шаг, просто размышлял. В один из самых трудных периодов их жизни – когда уже заканчивался этап реабилитации после проведенной на позвоночнике операции – врачи сообщили о необходимости провести «фундопликацию Ниссена», которая решала основную проблему ребенка с желудком – Флика внезапно разозлилась, и не на то, что именно ей предстояло все это пережить, а на родителей, которые обрекли ее на это. Разозлилась просто на то, что жила.

Зная, как ей тяжело, он неустанно повторял Флике – к счастью, она не выбрала для себя ту затасканную маску невинного ангела-мученика, которая была бы невыносима для ее отца, – что она стала для них лучиком счастья. Именно он был виноват в том, что она росла непослушным ребенком – ироничным, веселым, но все же невоспитанным. Да и как можно не избаловать такого ребенка? Как ни старался он не обращать внимания, но не мог не понимать, что фундопликация станет для Флики шагом назад, а не вперед. А она всегда была такая симпатичная. Даже если сейчас ничего и не изменилось на первый взгляд, он все чаще замечал, что ее округлившийся подбородок приподнимается, как у моряка Папая, и лицо при этом становится недовольным и раздражительным. Даже постоянно наморщенный нос изменил направление и стал расти вниз, словно хотел соединиться с подбородком. Губы растянулись, и рот стал непропорционально большим, глаза отдалялись один от другого, появилась привычка выдвигать вперед верхнюю челюсть, зубы при этом лежали поверх нижней губы. Его беспокоило даже не то, что она на глазах теряет очарование; он был озабочен происходящим внутри, чем-то более страшным, но скрытым, а оттого не менее пугающим.

Он вновь задумался о Хитер, а затем опять о Флике. Возможно, Кэрол права и не стоит пренебрегать чувствами Хитер. Несколько леденцов не повредят, а ей так приятно хвастаться перед друзьями, что она принимает кортомалофрин. Большинство детей в классе Хитер принимали лекарства – похоже, иметь серьезный диагноз стало у этого поколения такой же модной штучкой, как замшевый пиджак в шестидесятых. Единственное, что не могло примирить его с таблетками плацебо, – это то, что Хитер, и без того коренастая и приземистая, стала поправляться. Виной тому были не сами пилюли, в них было не больше пяти калорий в каждой; а элементарное внушение. Ее одноклассники, сидящие на антидепрессантах и других «анти», уже походили на откормленных поросят.

Джексон пришел в уныние, когда понял, что в свои одиннадцать Хитер уже стремится не выделяться из толпы. Он никогда не понимал этого желания быть как все, притом что вокруг полно идиотов. В детстве он, хоть и был мальчиком, всегда старался отделиться от общей массы; похоже, природа отыгралась на его дочерях. Их тщеславие ограничивалось единственным способом привлечения внимания – появиться в школе, звеня арсеналом пузырьков.

В то же время он, возможно, был большим консерватором, чем хотел казаться. Взять, к примеру, имя Хитер. Они выбрали его, потому что сочли редким. В результате у дочери в классе три девочки Хитер. Что такого особенного в этом имени? Вам кажется, что вы никогда его раньше не слышали, но оно всегда незримо присутствовало в воздухе где-то рядом, как запах бензина, поэтому еще несколько пар в округе решили назвать ребенка Хитер из-за *нераспространенности* имени. Просто чудо, что в классе их старшей дочери не было больше ни одной Флики. Все благодаря детскому увлечению Кэрол глупыми книгами о лошадях. Нет, посмотрите, он опять думает о Флике. Даже десяти секунд не может уделить младшей дочери.

Наступит, однако, время, хочется верить, не очень скоро, когда он будет думать только о Хитер, потому что она останется его единственной дочерью.

– Джексон, можешь покормить детей. Уже поздно.

– Да, наверное. Шеп и Глинис, должно быть, выясняют отношения. Насколько я знаю Глинис, без боя она его не отпустит. Неизвестно, когда он приедет.

– Милый, – осторожно начала Кэрол, – ты должен быть готов к тому, что он может и струсить. Или передумать, вспомнив о том, что у него есть семья, сын, а Пемба – это просто миф. Подумай об этом.

Типично женская логика: мужчины считаются способными на ребячество, на спонтанные необдуманные поступки.

Джексон не сводил с нее глаз. Это был один из тех моментов, когда смотреть на жену было невыносимо трудно. Она была прекрасна. Звучит странно, но ему казалось, что с возрастом она становится еще сексуальнее, высокая – выше его, – с длинными янтарными волосами, округлой грудью размером с половинку крупного грейпфрута каждая. За все эти годы она не поправилась ни на унцию. И все это не благодаря диетам или тренировкам в зале, а оттого, что постоянно таскала восьмидесятипятифунтового ребенка вверх-вниз по лестнице и в больницу на процедуры и анализы. Он уже не помнил, всегда ли лицо Кэрол было столь безмятежно и невозмутимо, словно высечено в мраморной плите, или стало таким с годами, чтобы окружить Флику атмосферой умиротворенности и спокойствия. Со временем ее было все сложнее вывести из себя, и он уже перестал пытаться.

Он всегда с гордостью появлялся с ней в компаниях друзей и их полинялых, мешковатых жен, но больше всего любил находиться дома, где был единственным мужчиной, на которого Кэрол могла обратить внимание. Не сказать, что он выглядел уродливо, но боялся, что они являются одной из тех пар, о которых за спиной люди говорят: *Кэрол сногшибательна, но что она в нем нашла? Зачем такой красоте этот приземистый работяга с волосами до плеч?* Где-то он читал, что залогом успешного брака являются равные внешние данные обоих партнеров, и это его нервировало. Многие мужчины сочли бы его чокнутым, но он хотел, чтобы жена стала совершенно *домашней*. То, что она постоянно *находится дома*, казалось ему недостаточным, несмотря на то что на первый взгляд это одно и то же.

Джексон расставлял тарелки для детей, когда поймал полный ужаса взгляд Флики. Колбаски в соусе с перцем были фирменным блюдом Кэрол, всегда принимаемым с восторгом, хотя фенхель и чеснок были для Флики совершенно бесполезными приправами. С ее притупленным обонянием и языком бесчувственным, как рожок для обуви, она могла есть все, что угодно. Она научилась, преодолевая боль, глотать так, чтобы пища попадала в пищевод, а не в трахею, она тщательно и очень медленно прожевывала каждый кусочек, а когда мать отворачивалась хоть на минуту, быстрым движением выбрасывала содержимое тарелки в мусорное ведро. Страшная правда жизни заключалась в том, что чувство голода не ассоциировалось в ее голове с едой. Время, потраченное на все, что связано с пищей, она считала потраченным впустую. Всевозможные причуды сервировки – салатные тарелки или ножи для рыбы, мучительные раздумья над меню в ресторане, равно как и домашняя пицца с аппетитной хрустящей корочкой, которая могла испортить настроение на весь вечер, – все это было для нее непостижимо, как и ритуал жертвоприношения в культуре анимизма. Восторг сестры при виде шоколада, когда организм уже насытился и не требует дополнительных калорий, казался абсурдным и бессмысленным, словно Хитер продолжала заливать в бак бензин, хотя он уже выливался наружу и тек по корпусу машины.

– Флика, я приготовила тебе отдельную порцию, без соуса.

– Оставь себе, – грубо ответила Флика. – Я могу заправиться и баночкой «Комплита».

– Не желаю ругаться с тобой из-за этого каждый вечер. – Кэрол говорила так спокойно и нежно, что любой сидящий рядом удивился бы: а кто ругается?

- Да, да, если семья жрет вместе, то и живет вместе. *Огромный* смысл.
- Диетолог сказал, что тебе обязательно надо есть каждый день небольшими порциями.

Если ты научишься есть хоть чуть-чуть, тебе будет проще завести новых друзей.

Флика засмеялась булькающим смехом, и по подбородку потекла слюна, которую она утерла правой рукой. Поскольку это случалось постоянно, движение стало для нее привычным.

- Каких друзей?
- Мы платим врачу из собственного кармана...
- Вам бы понравилось, если бы посторонний человек постоянно совал вам пальцы в рот?

Карен Беркли нужна вам, а не мне.

- *Просто ешь*. – Господи, Кэрол, казалось, едва сдерживалась.

Переложив пакетик с каплями для глаз из кармана в школьный рюкзак, Флика встала из-за стола, придерживаясь за занавески с большими подсолнухами, и потянулась к стоящей на столешнице маленькой кастрюльке с сосисками без соуса. Прежде чем Кэрол опомнилась, она вывалила содержимое в блендер, залила двумя стаканами воды и включила агрегат на максимальную скорость. Масса мгновенно стала похожа на коричневую жижу, что начисто отбило Джексону аппетит. Злобно сверкая измазанными вазелином глазами, она взяла большой шприц, прикрепила к нему прозрачную трубку, второй ее конец соединила с канюлей на животе, которая чем-то была похожа на пластиковую крышку на коробках сока «Тропикана». Она вытащила поршень и вылила в шприц содержимое чаши блендера, позволяя всем собравшимся следить, как отвратительного цвета жидкость ползет по трубке. Флик держала шприц высоко в правой руке и стояла с видом победительницы, прямо как эта чертова статуя Свободы.

Да, это была открытая война. Продолжая издеваться, Флика заявила:

- Я ем.
- Трубку будет сложно прочистить, – произнесла Кэрол сладким, словно сахарная глазурь, голосом, и в этот момент зазвонил телефон. – Дорогой, ты не мог бы подойти? У меня, кажется, появились срочные дела.

- Ну, так и есть, – отрывисто сообщил Джексон, возвращаясь в кухню. – Он не едет.
- Он не приедет или он не уезжает?
- И то и другое.

Кэрол подхватила со стола пару тарелок, и он уловил, как изменилось на секунду ее лицо.

- Ты, должно быть, на седьмом небе от счастья?
- Я молчу!
- Но ты *рада*, правда?

Кэрол посмотрела на Флику, кивнула и затем покачала головой. Он, кажется, слишком бурно реагировал.

- Я рада за Глинис, – сказала она, звуки растекались, словно приторная тягучая карамель.
- Для этого нет повода.

Несмотря на то что конторы «Умелец Рэнди» были разбросаны по всему городу, основной офис и самый большой магазин остались на Седьмой авеню в Парк-Слоуп, менее чем в миле от Виндзор-Террас. На работу Джексон добирался пешком, поэтому ему ничего не стоило прийти пораньше, чтобы постараться свести к минимуму все шуточки при появлении Шеп. Он умышленно решил стать сдерживающим фактором для витающей в воздухе, что весьма естественно при сложившихся обстоятельствах, агрессивности и нервозности. Тем не менее атмосфера в офисе была сдержанно-веселой; бухгалтер, веб-дизайнер, экспедитор – все собрались у стойки администратора с такими лицами, словно вот-вот станут засовывать в рот кулаки, чтобы не рассмеяться в голос. Когда с невозмутимым видом вошел Шеп, все притихли, он с ленивой обреченностью прошел к своему рабочему месту, и это тоже было вполне обыденно; у Шеп и Кэрол определено есть что-то общее в характере. Не имеет значения, что

еще подбросила ему жизнь – «жизнь» лишь весьма деликатный способ выражения; многим это нравится – Шеп не всегда обращал внимание на подобные выпады, как, например, на то дерьмо, которое вылили на него родственники, когда он оплатил похороны матери, словно это было нечто неприличное, как испортить воздух в добропорядочной компании, и об этом лучше никогда не вспоминать. Затем Марк, вебдизайнер, которого Джексон поставил на место в прошлую пятницу, лукаво прищурился и спросил:

– Что, не удалось позагорать?

Шеп спокойно ответил, что в выходные было облачно. Он сел за стол и принялся просматривать электронные письма, уткнувшись в экран компьютера; Джексон по одному взгляду на него понял, что их накопилось немало.

Было жарко. Джексон привык и зимой носить рубашку с короткими рукавами, иначе возвращался домой мокрым до нитки. Погачник включал отопление на полную мощность, только чтобы позлить Шепу, осуждавшего неоправданные расходы. С точки зрения их упертого босса, неоправданные расходы и были основой бизнеса: тропическая жара в январе и арктический холод в августе являются главным признаком преуспевающей компании. Именно это сообщает окружающим о достатке и процветании, как и лишний вес: если вы переедаете, значит, можете себе это позволить; теперь можете себе позволить. Шеп никак не мог всего этого понять, но все его благие разговоры с Погачником приводили к противоположному результату, и, когда он недавно вежливо попросил немного снизить температуру в помещении, тот прибавил еще два градуса. В общем, все нововведения Погачника прежде всего имели целью вывести из себя Шепу Накера и довести его до необходимости посещать семинар «Взаимоотношения с неконтактными коллегами», тогда как именно он, Погачник, и был тем самым неконтактным коллегой.

В 11:00 босс все же снизошел до него и шаркающей походкой двинулся напрямик к рабочему месту Шепу.

– Полагаю, ты должен извиниться, Накер.

– Да, – произнес Шеп, не меняя каменного выражения лица.

– Ну?

– Я извинюсь.

Погачник навис над столом, словно ожидая продолжения.

– Я *нижайше* извиняюсь, – произнес Шеп. – Должно быть, у меня был трудный день.

– То, что ты владел этой компанией, когда она еще была совсем крошечной фирмочкой, не делает тебя особенным. Но тебя я прощаю, тогда как любому другому сотруднику указал бы на дверь. Хотя после *тебя* все остальные...

– Ценю, что ты дал мне шанс. Я никогда не надеялся на особенное отношение. Больше подобное не повторится.

Наблюдая эту сцену с расстояния двадцати футов, Джексон слушал заискивающие речи и все отчетливее понимал, почему многие предпочитают работать на себя и колесят по всей стране с сумками, набитыми инструментами. Именно в таких «крошечных фирмочках» сложнее всего работать. Шеп продал «Нак на все руки» в тот самый момент, когда Всемирная паутина только начинала охватывать мир. Откуда ему было знать, что вскоре подобные услуги будут продавать через Интернет? После того как Погачник зарегистрировал домен www.handiman.com (уже существовал сайт www.handyman.com, и они забрали себе всех безграмотных заказчиков; на то она и Америка, чтобы бизнес только разрастался), их клиентская база значительно увеличилась. Погачник приписывал все заслуги себе, словно его звали Альберт Гор и это его называли «отцом Интернета». Сейчас компания стоила раза в четыре дороже, чем этот плут заплатил за нее, и Погачник запустил рекламу по телевизору, в которой снялся сам и произносил, копируя Сэмми Дэвиса-младшего: «Умелец, ах, мастер все может!»

Едва слышав это, Джексон мгновенно переключал канал. Друг казался таким крутым, когда получил чек на миллион баксов, а сейчас получалось, что тогда Шеп совершил самую большую глупость в жизни.

Когда позже оба сидели в кафе за привычными сэндвичами – Джексон считал жизнь без моцареллы и прошутто, именуемых в простонародье сыр и ветчина, просто бессмысленной, – он не удержался от вопроса:

– Откуда это желание лизать задницу Погачнику?

Шеп всегда был человеком сдержанным, но даже для него события прошедшего утра были из ряда вон выходящими. Это было похоже на задержание за вождение в состоянии алкогольного опьянения, его заставили дотронуться пальцем до носа и, стоя на одной ноге, считать в обратном порядке от ста до семидесяти, и не важно, что задержал его не полицейский, а он сам был не за рулем.

– Ах это... – пробормотал Шеп. – Когда я в пятницу уходил из «Умельца Рэнди», – он раньше всегда называл фирму «Нак», а не «Умелец Рэнди». Господи, он похож на Пола Ньюмана в «Хладнокровном Люке», после нескольких дней в карцере тот тоже говорил: «Да, сэр, да, сэр», потому что был совершенно сломлен, – мне казалось, я сказал что-то типа: «Пока, засранец!» Не думал, что придется снова вернуться.

– Хорошо, понимаю, надо было извиниться, но так лебезить?

– Было нужно.

Джексон задумался.

– Медицинская страховка.

– Угадал. – Шеп откусил сэндвич и отложил его на тарелку. – Поправь меня, если я ошибаюсь, но мне показалось, что коллеги решили, будто я планировал отправиться на экскурсию. Мое появление в офисе вызвало несказанное удивление.

– Послушай, извини меня. На прошлой неделе Марк опять начал острить, и я решил, что пора его проучить. Но я был уверен, что на этот раз ты точно уедешь... Я не оправдываю себя, но для нас обоих было бы лучше, если бы ты все эти годы молчал о своем грандиозном плане и рассказал, только когда наступил бы час икс.

– У меня не было причин скрывать свои планы все эти годы. Я действительно собирался так поступить.

– И все же я думаю, ты должен мне разрешить рассказать всем в «Наке» о Глинис. Они должны знать, что это были не пустые разговоры и ты не уехал на Пембу не потому, что струсил.

– Глинис не хочет распространяться об этом. Я получил разрешение рассказать только тебе и Кэрл. Это ее право. Я не собираюсь использовать ее, чтобы изменить ситуацию на работе к лучшему. Она такая, какая есть, и уже ничего не изменишь.

– Как думаешь, почему она это скрывает?

Шеп пожал плечами:

– Она привыкла все держать в себе. Рассказать – значит вынести сор из избы.

– Но все и так узнают.

– Тем не менее, – сказал Шеп.

– Послушай, – начал Джексон, когда они шли обратно, – может, по пивку, прежде чем поедешь в Элмсфорд?

Для Шепарда Накера была в новинку возможность пойти куда-то просто так, для собственного удовольствия, просто потому, что захотелось, но его просил Джексон, и он не мог отказаться.

– Конечно, – ответил он.

– Только ненадолго, – сказал Шеп, подъезжая к Виндзор-Террас.

– Ладно. У нас все равно в девять встреча с группой поддержки больных СВ Д. Терпеть их не могу. Все бы ничего, если бы все сводилось только к обмену информацией о побоч-

ных эффектах лечения и так далее. А все эти еврейские штучки уж слишком. Не пойми меня неправильно. Я не из тех «евреев-антисемитов». Я вообще не антисемит и... э... не еврей. – Джексон нес какую-то чушь, но это было лучше, чем сидеть в полной тишине. – Моя мама не была набожной, отец соблюдал баскские обычаи, но ничего серьезного – это не значит, что я фанат всего испанского, ничего подобного. А Кэрол выросла в католической семье. Но *один ее дедушка* по линии отца был ашкенази. Так сложилось, что теперь вокруг Флики крутятся эти любители фаршированной рыбы, хотя она даже не еврейка.

А эти правоверные болваны... Когда они женятся, отказываются делать анализ ДНК. Даже если рождается ребенок с СВД, они и потом не делают амнио. У одной семьи в Краун-Хайтс *трое* таких детей. Такое вот наказание за глупость. Вероятно, таким образом иудеи борются с абортами. Кроме того, почему раввины в любом направлении иудаизма всегда придерживаются радикальных взглядов? Они говорят: если у плода обнаружили СВД, избавься от него. Вроде как Бог не хочет, чтобы они мучились. Вот так вот все запущено.

Знаешь, что меня убивает? Принято считать это еврейским *счастьем*, и полагаешь, можно выбирать, во что верить? Нет. Эти гены передаются из поколения в поколение, дружище. Эти люди избранные.

В сложившихся обстоятельствах Джексону больше не на что было жаловаться, и он замолчал.

Кэрол и Шеп обнялись, и Кэрол сказала, что очень, ну очень сожалеет. Когда они расположились на кухне, Шеп рассказал, что почти все выходные провел в Интернете, и поведал о том, что узнал. Он сказал, что в конце недели возьмет день за свой счет, чтобы поехать с Глинис к онкологу, и выяснит все подробно. Кэрол спросила, как отреагировала на это Глинис, он сказал, что пропустила мимо ушей, но, поскольку она все всегда пропускает мимо ушей, судить сложно. Тогда Кэрол спросила, как он сам к этому относится, но Шепу этот вопрос показался неуместным. Он сказал, что, конечно, боится, но не должен распускаться. «Я просто обязан держать себя в руках. Мои чувства не имеют значения. *Я сам уже не имею значения*». Это была единственная фраза за весь день, которую он произнес с какими-то эмоциями.

Кэрол выразила сочувствие по поводу поездки на Пембу, хотя Шеп великолепно знал, что она считает эту идею бредовой. Он сказал, что мысли о Последующей жизни кажутся мелкими и пустыми, словно это произошло очень давно. Он сказал, что оказаться на таком вираже стоило только для того, чтобы понять, что по-настоящему ценно. Сейчас ему не надо мучиться необходимостью принять решение, уезжать или нет, потому что после сообщения Глинис все уже не важно. Нет никакой Пембы, словно остров в одно мгновение погрузился в пучину океана. «Можете мне не верить, – сказал он, – но в моей жизни никогда раньше не случилось такого, чтобы в одно мгновение все стало ясным и понятным». Шеп размышлял вслух, говорил, что это похоже на Божественное провидение. Он не хотел уезжать на Пембу без Глинис и Зака. Без них нельзя было уезжать, а теперь он и не может так поступить. Все предельно просто. В определенном смысле смена приоритетов стала для него спасительной соломинкой. Избавила от колебаний. Внесла определенность, указала, как необходимо поступить. «И как хочу поступить, – многозначительно добавил Шеп. – Я нужен Глинис. Возможно, был нужен ей и раньше, но это не было столь очевидно». Затем Шеп сказал, что прекрасное ощущение, когда ты нужен своей жене, и Джексон почувствовал укол зависти, поскольку никогда не испытывал ничего подобного.

Шеп не всегда был таким чувствительным. Нельзя назвать его бессердечным, вовсе нет, но он был таким, как все. С точки зрения Джексона, это была нормальная жизнь, достойная уважения: он оставлял за людьми право самостоятельно решать, каковы его истинные чувства. Он не оскорблял их и не надоедал им. Поэтому, когда признался, что любит Глинис и до настоящего момента даже не подозревал насколько, что теперь сожалеет о своих планах и о том, что всего лишь неделю назад постыдно считал самоисцелением, Джексона это задело и тронуло

одновременно. Джексон задумался о том, насколько Флика изменила их с Кэрол и как ужасны были некоторые перемены, например то, что они не высыпаются из-за поздних ужинов и редко занимаются сексом, но некоторые перемены все же были к лучшему. В их жизни был императив. У них было общее дело, а это куда важнее секса и, что удивительно, намного интимнее и более возбуждающе. Возможно, сообщение жены о том, что она может умереть, воздействует с такой силой, что заставляет многое переоценить и сконцентрироваться на том, что необходимо поддерживать друг друга на этом нелегком пути.

Когда Шеп сказал, как он рад, что теперь ему не надо «покидать Глинис», «расставаться с сыном», Джексон был слегка ошарашен; никогда раньше он не слышал, чтобы его друг употребил такое слово, как *покидать*. Шеп говорил, что, услышав предполагаемый диагноз, подумал: «Господи, пронеси эту чашу мимо меня», как сказал бы его отец, у Джексона и самого возникла эта мысль, но он промолчал, заметив, однако, что произошедшее неожиданным образом изменило Шепу, пробудив в нем чувства истинного христианина. Вместо этого Джексон сказал, что смешно стараться избежать ответственности и все больше погружаться в заботы. Шеп признался, что сейчас чувствует себя самым собой. Нормальным. Совершающим правильные поступки. Заботящимся о жене.

– Мне кажется, – сказала Кэрол, – ты не смог бы уйти в никуда.

– Нет, – ответил Шеп с легким сожалением. – Это был бы не я.

– Точно, – поддержала Кэрол. – Знаешь, как говорят о бесполезности строить планы на будущее.

Шеп согласился и сказал, что, как ни странно, люди все равно это делают. Это прозвучало как философское размышление, он даже стал казаться старше, и Джексон только тогда заметил, что в его друге нет больше той ребячливости, которая всегда была ему присуща.

Проблемы в жизни всегда напоминают о том, что они есть у всех. Шеп отвлекся от Глинис и Пембы и спросил о Флике – девочки были наверху, делали уроки – и, конечно, потом о Хитер. Он даже поинтересовался, как дела у Кэрол на работе, на что больше никто не решался, поскольку это была слишком нудная тема, и не скучает ли она по садоводству. Да, она очень скучала, скучала по физическому труду и копанию в земле. Шеп сказал, что ему знакомо это чувство, что ему тоже хочется отремонтировать или смастерить нечто такое, что сделает жизнь людей лучше, а он сможет увидеть результат своего труда, вместо того чтобы о чем-то договариваться, что-то обсуждать по телефону. Кэрол работала в отделе продаж Ай-би-эм, поскольку они не требовали ее присутствия в офисе и разрешили пользоваться любым компьютером, будь то у нее дома или на Таити; она могла сама регулировать свой рабочий день, лишь бы справлялась со всеми обязанностями – такая политика фирмы в отношении сотрудников, о которой они, смеясь, договорились, не должна была казаться революционной, но казалась, поскольку единственным критерием был результат. В любом случае ландшафтный дизайн тоже не предполагал фиксированных часов работы, поэтому, насколько помнил Шеп, у Кэрол всегда была возможность вернуться домой к приходу девочек из школы, в середине дня отвезти Флику к врачу, даже при необходимости доставить ее в больницу в экстренном случае. Он спросил: стоило ли от всего этого отказываться ради большей зарплаты? Джексон едва подавил раздражение; его выводило из себя, что Кэрол получает больше его, как и страшно бесило то, что она была вынуждена забросить любимое дело, в отношениях мужчины и женщины вообще многое изменилось, и это не должно его касаться.

– Ой, да я вовсе не из-за зарплаты пошла работать в Ай-би-эм, – объяснила Кэрол. – Когда «Нак» стал «Рэнди» – ты же знаешь, как Погачник любит с наименьшими затратами получить максимальную прибыль, – он выбрал самую дешевую страховку. С нашими расходами на лечение Флики, с постоянными операциями и обследованиями мы не могли покрыть это одной страховкой Джексона.

Понимаешь, – продолжала она, – эта страховая компания «Уорлд Уилнесс групп» – исчадие ада. Система совместных платежей распространяется на все, даже на лекарства. А у нас ежемесячно по дюжине рецептов. По нашему плану мы оплачиваем десять центов, а компания несколько тысяч баксов. Цены на услуги у них настолько «разумны и привычны», как они пропагандируют, что визит врача обходится как в 1959 году. Правда, они очень строго следят, чтобы к каждому пациенту находили индивидуальный подход, а Флике это просто необходимо. Кроме того, возможно и сострахование: приходится оплачивать двадцать процентов счета. Но существуют и подводные камни: расходы не ограничены. Прибавь сюда регулярные банковские платежи – ты знаешь, какой процент они обычно дерут – хорошо, что еще процент не очень высок, получается всего-то два-три миллиона, хотя такой ребенок, как Флика, может до двадцати лет не раз превысить сумму... Надо искать другой страховой пакет.

– Бог мой, я и не предполагал.

– А должен предполагать, Шеп, – многозначительно сказала Кэрол. – У тебя такая же страховка.

Глава 3

Шепард Армстронг Накер

Номер счета в «Мерил Линч» 934-23F917

1 декабря 2004 – 31 декабря 2004

Стоимость портфеля ценных бумаг: \$731 778,56

Пока они ехали в «Фелпс Мемориал» в Слипи-Холлоу к юго-востоку от Нью-Йорка, Шеп одной рукой держал руль, а другой обнимал жену. Оба были спокойны; ее ладони были сухими. Оба неотрывно смотрели вперед.

– Тебе не стоило, – сказал он, – одной проходить все обследования.

– Ты жил в своем мире, был занят собственными проблемами, – ответила она. – Поэтому я одна занималась своими.

– Ты, должно быть, чувствовала себя одинокой.

– Да, – сказала она. – Но я уже давно так живу. – Когда они въезжали на территорию, она добавила: – Ты стратег, Шепард. Всегда все планируешь наперед. Но тут ты сам себя превзошел. Этот план насчет Танзании много месяцев зреет в твоей голове.

Для него было огромным облегчением, что она вообще с ним разговаривала. Пусть она его и критиковала, он был рад этому.

Он ужаснулся, узнав, что Глинис уже сделала рентген, УЗИ брюшной полости и МРТ. В голове все встало на свои места. Два дня подряд в декабре она не только не завтракала, но и отказалась от кофе, что для Глинис было невероятно. Он пытался найти объяснения, но все они казались ему надуманными, его обидел именно ее отказ выпить кофе; она нарушила священный ежедневный ритуал. Два дня подряд за ужином она выпивала по несколько стаканов воды. Ее не мучила жажда, просто хотела поскорее вымыть из организма контрастное вещество, которое вводили для исследования. Также память подсказала ему еще один случай: он вошел в ванную, прежде чем она нажала слив в унитазе, и заметил пятна крови. Для ее обычного цикла это было слишком рано, но ей уже пятьдесят, возможно, начались сбои; она очень болезненно реагировала на приближение менопаузы, поэтому он сделал вид, что ничего не заметил. Только теперь он все понял: это были не месячные. Он вспомнил, что она вдруг стала надевать на ночь сорочку, и не потому, что мерзла; старалась скрыть шрам от лапароскопии, который он только сейчас заметил. Всего в какой-то дюйм длиной, он стал для него сигналом тревоги: вот и первое вмешательство, но далеко не последнее. Ночная рубашка тоже его обидела. Они двадцать шесть лет спали обнаженными.

После знакового вечера в прошлую пятницу они говорили только об анализах и обследованиях. В выходные выяснилась еще одна деталь. Перед МРТ, при которой необходимо снять все украшения, прежде чем плавно въехать в трубу аппарата, надо было повторить рентген.

– Они узнали о моих занятиях ковкой металла, – сказала она, – и решили, что я могу его притягивать. Говорят, металл мог попасть внутрь. Можно и не почувствовать, как мельчайшие частички или стружка проникают в тело.

Он просто обязан был понять, зачем Глинис ему это объясняет: она гордилась собой. И не должен был спрашивать: «Они ничего не нашли?» Ожидаемый, но приводящий в бешенство ход – она ни слова не произнесла в ответ, что в подобной ситуации было вполне объяснимо. Врачи не нашли ни кусочка. Последнее время она так мало времени проводила в мастерской, что могла не опасаться МРТ. Однако даже то, что она сказала, не заставило его задуматься.

Жил в своем мире. Ее желание уколоть его не имело бы успеха без надлежащей реакции с его стороны. Если бы он и заметил, что живот ее немного вздулся и при этом она похудела, то все равно не сделал бы должного вывода. Пожалуй, к лучшему, что он ничего не знал. Он

думал о том, что и представить себе не мог, в каком плачевном состоянии находится их брак, и неожиданно вспомнил, что до прошлой пятницы вообще намеревался ее бросить.

– Тем вечером, – сказал он, – ты не должна была слушать мои разглагольствования о Пембе. Надо было меня остановить.

– Мне было интересно.

– Это нехорошо.

– А мне и не было хорошо.

– А *как* тебе было? – Шепу стало стыдно. Все прошедшую неделю он был таким заботливым, порой даже докучливым. Сейчас впервые за много месяцев он спрашивал ее о чувствах.

Она помолчала.

– Страшно. В определенном смысле мне было легче, что ты не знал.

– Потому что теперь ты вынуждена позволить себе бояться. – Он сжал ее ладонь. Всего лишь. – Я буду о тебе заботиться. – Смелое обещание, которое он, возможно, нарушит. Но нарушит с честью, в этом он себе поклялся.

Доктор Эдвард Нокс поздоровался с Шепом, рукопожатие было мягким и приветливым. Онколог не пользовался множеством антисептиков с характерным запахом, поскольку принадлежал к разряду тех врачей, которые действительно умели мыть руки. Этот больничный запах вызывал у Шепы тревогу.

– Мистер Накер, счастлив, что вы все же к нам присоединились.

Шеп воспринял эту фразу как порицание за возмутительное невнимание к супруге. Когда-то он бы обвинил жену за то, что попал в такую ситуацию, но сейчас решил, что не имеет на это права, возможность свалить все на нее стала непозволительной роскошью, оставшейся далеко в прошлом.

По тому привычному для нее движению, которым Глинис придвинула стул, он понял, что она уже бывала в этом офисе. У этих двоих сложились отношения, и хоть Шеп «все же» был здесь, он чувствовал себя лишним. Возникло стойкое ощущение, что для Глинис этот офис стал местом восстановления сил.

Доктор сел в крутящееся кресло, Шеп пригляделся и понял, что онкологу под сорок, хотя последнее время ему стало труднее определять возраст собеседника. Однако пока он еще видел разницу между шестидесятью и шестидесятью пятью, но все, кто был моложе, выделились в отдельную категорию «моложе меня», что было весьма эксцентрично, поскольку он и сам еще не добрался до той черты, хоть и представлял, как этот возраст отражается на характере и в зеркале. Когда в перспективе лишь старение, ты уже не понимаешь, что такое тридцать семь и как человек выглядит в этом возрасте. Молодые люди казались Шепу несмышленишками, их самоуверенность, которую сейчас и излучал доктор Нокс, пустой и беспочвенной – она представлялась фальшивой и наигранной. Шеп очень хотел доверять этому человеку, надеялся, что сможет по-дружески называть его Эдвард, если даже не более дерзко – Эд.

Подтянутый и ухоженный, Нокс, скорее всего, предпочитает на десерт фрукты и выделяет в течение дня время для занятий на беговой дорожке в тренажерном зале больницы; сам ведет тот образ жизни, который пропагандирует. Шеп всегда симпатизировал практикующим врачам, которые имеют фунтов двадцать лишнего веса и тайком покуривают на парковке для персонала.

Лицемерие обезоруживает. От врачей Шеп всегда ждал не авторитетных заявлений, а извинений.

– Хочу извиниться за то, что мы так долго не могли поставить точный диагноз, – начал доктор Нокс, обращаясь к Шепу. – К сожалению, мезотелиому не так просто выявить, необходимо было исключить ряд других заболеваний, протекающих с такими же симптомами, например повышение температуры, вздутие живота, вялость, нарушение перистальтики желудка.

Шеп понятия не имел, что такое нарушение перистальтики, но спросить не решился, поскольку врач сразу бы понял, как мало он знает о характере заболевания жены, как мало обращает на это внимания.

– Полагаю, супруга сообщила вам, что перитонеальная мезотелиома встречается крайне редко, – продолжал Нокс. – Не буду от вас скрывать, что это весьма серьезно. Дело в том, что брюшина покрывает все внутренние органы очень тонкой пленкой, скажем, как пищевая пленка, опухоль может находиться глубоко внутри, и ее невозможно будет удалить хирургическим путем. – Шепу понравились эти сравнительные обороты речи, по крайней мере, они были ему понятны, поскольку он знал, что такое пищевая пленка; Нокс не предполагал, что муж его пациентки до такой степени равнодушно относился к столь серьезному заболеванию жены, что даже не удосужился заглянуть в энциклопедию и поинтересоваться предполагаемым диагнозом. – К сожалению, приходится констатировать, что симптомы заболевания не проявляются на первых стадиях. Тем не менее в распоряжении современной медицины целый ряд новейших методов лечения. Постоянно разрабатываются новые препараты, новые подходы к решению проблемы. Смертность уменьшается.

Шеп читал обо всем этом в Интернете, но решил, что будет неуместно заявить об этом именно сейчас. Кроме того, он счел необходимым дать возможность врачу произнести традиционную вступительную речь. Шеп прочитал множество статей, поэтому понимал, что доктор еще не закончил: помимо обнадеживающих, оптимистичных речей, Нокс наверняка припрятал в рукаве парочку фактов, способных отравить их существование. По спокойному выражению лица врача стало очевидно, что он привык к подобному ходу разговора, допускающего множество отступлений. Манера говорить, несмотря на методичность, была доброжелательной – он улыбался и смотрел Шепу прямо в глаза – Эдвард Нокс с самого начала поразил Шепу своей мягкостью.

Однако, как ни *стремились* доктора казаться добродушными, это качество было в действительности присуще им лишь отчасти. Их новости, даже преподнесенные в самой деликатной манере, на поверку были весьма жестокими, а если таковыми не оказывались, то были ложными, а от этого становились еще более жестокими. Шеп не понимал, почему они идут на это. Хотя, конечно, стентирование, шунтирование артерий и восстановление водоснабжения с технической точки зрения схожие операции. В определенном смысле врач имеет много общего с мастером, который, бывает, стучится в вашу дверь и говорит: «Прошу прощения, но мне не удалось починить кран». Самая приятная и в том и в другом случае фраза «Прошу прощения». И потом он уходит и, возможно, даже машет на прощание, оставляя вас наедине с глухо урчащим краном. Кто захочет иметь такую работу?

– Но у меня есть и хорошие новости, – продолжал Нокс. – Во-первых, как я уже говорил вам на прошлой неделе, миссис Накер, МРТ не выявила никаких патологий в легких. Более того, готовы результаты лапароскопии. Мезотелиома бывает двух разновидностей – два типа клеток злокачественного новообразования. Эпителиоидные медленнее развиваются, саркоматозные быстрее. В вашем случае обнаружены только эпителиоидные клетки. Это позволяет сделать более оптимистичный прогноз.

Глинис, сидевшая с видом послушной школьницы, кивнула, словно поступила правильно. Шеп хотел спросить: что же это за прогноз? Он уже открыл рот, но понял, что внутри пересохло. Он закрыл его и с трудом сглотнул. Вместо желаемого вопроса произнес совсем другое, желая выразить признательность и всем своим видом продемонстрировать воодушевление, что от него здесь и требовалось:

– Да. Действительно, очень хорошая новость.

В то же мгновение он подумал, что всего неделю назад «хорошей новостью» для него было увеличение стоимости пакета акций на 23 400 долларов, для чего ему даже пальцем не пришлось шевельнуть. Их сын наконец сдал экзамен по алгебре. Рэнди Погачник удрал на

какой-то гольф-курорт, поэтому в ближайшие три дня атмосфера в офисе будет если и не такой, как в былые времена, то, по крайней мере, более дружелюбной. Глинис прибывала в безмятежном состоянии духа и изъявила желание посмотреть некоторые серии из сериала «Клан Сопрано». Сейчас он готов был вступить в новую жизнь, в которой «хорошей новостью» считается наличие в животе у его жены не саркоматозных, а эпителиоидных клеток, и это должно приводить его в восторг.

– Что же касается дальнейшего лечения, – сказал врач, – вы можете пройти консультацию у другого специалиста. Возможно, другой специалист порекомендует другие методы, я же со своей стороны подготовил для вас стандартное лечение при таком типе онкологических заболеваний. При условии, что диагноз подтвердится, вам, миссис Накер, следует как можно скорее лечь на циторедуктивную операцию. Ее целью является удаление максимального количества опухолевых очагов. Мы выявили три таких очага в брюшной полости. К сожалению, хирург, с которым я консультировался, высказал предположение, что один может оказаться недоступным. Курс химиотерапии, который необходимо будет начать сразу после того, как вы оправитесь после операции, предотвратит дальнейший рост клеток. Абдоминальный хирург установит вам катетер в брюшной полости. Таким образом, мы сможем вводить вам подогретый цисплатин, который будет воздействовать локально, в отличие от химиотерапии, когда вещество поступает в кровь. Кроме того, у этой процедуры меньше побочных эффектов.

– Значит ли это, что у меня выпадут волосы? – спросила Глинис, инстинктивно касаясь прически, словно желая убедиться, что все на месте.

По лицу онколога пробежала едва уловимая тень сожаления, грусти, как понял Шеп, что проблемы изменений во внешнем виде станут для его пациентки самыми ничтожными.

– Каждый организм по-разному реагирует на терапию, – осторожно произнес он. – Предсказать очень сложно.

– Кроме того, они ведь опять отрастут? – сказал Шеп. Такова сегодня была его роль. Ни в коем случае не падать духом.

Еще одна тень, но на этот раз Шепу не удалось понять его выражение.

– Да, когда лечение завершится, несомненно, отрастут, – сказал доктор Нокс и оглянулся. – Многие пациенты говорят, что они даже становятся гуще прежних.

У Шепа возникло внезапное впечатление, что его визит, если отбросить всю эту шумиху с УЗИ и рентгеном, выпадением волос, «брюшными полостями» и предстоящими жуткими процедурами, больше похож на фарс, макабрическую шараду. Наблюдая за тем, как доктор изо всех сил старается быть вежливым и тактичным, Шеп едва не рассмеялся. Однако он понимал, что негласно вступил с врачом в коалицию, цель которой – приободрить его собственную жену. Глинис уже хватило одной шутки. Злой, презренной шутки, за которую ей предстоит расплачиваться каждым мгновением своего существования. Он не желал быть частью всего этого. Но будет частью этого.

– Как дальше сложатся наши отношения? – продолжил онколог. – Поскольку это заболевание не вполне обычное, я ограничен в расходах на лечение. За двадцать лет в «Фелпс Мемориал» находились только двое пациентов с подобным заболеванием. В госпитале «Каламбия Пресвитериан» есть терапевт по лечению заболеваний внутренних органов, работающий в паре с высококлассным хирургом. У обоих богатейший опыт работы с мезотелиомой и безупречная репутация.

– Вы хотите от нас избавиться? – произнес Шеп с холодной улыбкой.

Доктор Нокс улыбнулся в ответ:

– Да что вы. Больные мезотелиомой приезжают к Филиппу Гольдману со всего света. Вам повезло, что он буквально ваш сосед. Его услуги стоят недешево. К сожалению, этот медицинский центр не входит в перечень клиник по вашей страховке. Необходимо будет получить разрешение от страховой компании, но, думаю, у вас все получится. И даже если последует

отказ от провайдера, я настоятельно рекомендую вам, по крайней мере, проконсультироваться у доктора Гольдмана. Большая часть ваших счетов в любом случае будет оплачена; я не знаю, какой у вас план медицинского обслуживания, но, возможно, вам просто увеличат процент оплаты. Полагаю, деньги не имеют значения.

– Конечно нет, – услышал Шеп собственный голос. – Мы заплатим любую сумму, только бы Глинис выздоровела.

Если вспомнить о той смехотворной сумме, которую она получила от шоколадье, его поведение больше походило на фарс. Да и слово «выздоровела» звучит как насмешка.

Однако Нокс уже писал координаты знаменитого и высокооплачиваемого шамана черной магии, сумма на оплату услуг которого «не имела значения», по словам Шепа. Сами по себе деньги, конечно, не представляют ценности. Они лишь средство. Но все же нельзя сказать, что они совсем «не имеют значения». Они дают многое. Еду, крышу над головой, одежду. Безопасность в определенной мере и шанс на спасение. Силу, могущество, власть. Беззаботность, свободу, право выбора. Благородство, милосердие; и если не любовь к детям, жене, сестре и отцу, то хотя бы ее видимые проявления. Образование; если не мудрость, то возможность получения верной информации. Если не ощущение счастья, то определенный комфорт, который иногда может его заменить. Билеты на самолет – опыт, красоту и возможность сбежать. От разговоров об их спасителе из «Каламбиа Пресвитериан», о животном желании выжить. Перед лицом смертельной болезни они не просто должны следовать рекомендациям, планировать распределение сил и желаний; они могут купить жизнь. Они выкупят жизнь Глинис день за днем и в конце смогут на все навесить ценники.

– У вас еще есть вопросы? – спросил доктор Нокс.

– Побочные эффекты... – подала голос Глинис. В них, конечно, не было для нее ничего побочного. Просто эффекты – жестокие и неотвратимые.

– Лекарства оказывают различное действие на каждого пациента. Обещаю, вас обязательно предупредят, к чему следует быть готовой. Давайте сначала проведем операцию. Не стоит забегать вперед.

В угнетающей тишине Шеп повернулся к жене, затем к врачу и почувствовал нарастающую панику. Ему не хотелось попрощаться и, сев в машину, испытать ощущение, будто что-то недосказано, упущено, что он смалодушничал и это будет заполнять его изнутри, как отравленные токсичные пары. Шеп не мог понять, почему именно он должен задать этот вопрос. Глинис наверняка могла обсуждать это и раньше, но просто невозможно представить, чтобы она скрыла от него ответ.

Стараясь нагнать все, что упустил, и узнать как можно больше о болезни, о которой не имел ни малейшего понятия до прошлой пятницы, Шеп провел все выходные у компьютера. Теперь он знал врага в лицо. Несмотря на то что на медицинском сайте были подробно описаны все методы лечения и процедуры, которые необходимо пройти больным мезотелиомой, он в результате добрался до раздела «Процент выживаемости». Он почти наизусть запомнил первый абзац, поскольку долго смотрел на него:

На этой странице приведены подробные данные о проценте исцеления на разных стадиях мезотелиомы. Мы предоставляем их, поскольку многие задают этот вопрос. Однако не все пациенты с онкологическими заболеваниями хотят знать эти факты. Если вы не уверены в себе, возможно, вам лучше пропустить эту страницу. У вас всегда есть шанс вернуться к ней.

Таковым и было его первое желание. Хотелось скорее закрыть страницу. Ему всегда было сложно посмотреть в лицо опасности. В данной ситуации все было немного по-другому, поскольку это была не его беда. Но он был с ней связан, это не его проблема, но он тоже имеет к ней отношение. Пока текст светился на экране, внутри постепенно нарастал страх. Он потянулся к колесу на мышке. Одернул руку. Не смог покрутить его. Он еще трижды, как и сове-

товали на сайте, «возвращался к ней». Но ни разу не смог прочитать до конца. Он не был готов. Сейчас, в офисе, когда он был не один, наконец настал момент узнать правду.

– Каковы ее шансы? – медленно произнес Шеп, не в силах перейти сразу к самой сути. – Сколько? – Это был тот случай, когда все должно быть предельно ясно и понятно. Он полностью сформулировал вопрос. – Сколько осталось жить моей жене?

– Это невозможно предсказать, – раздался голос Глинис. – Все люди разные, ты же слышал, что сказал доктор. Каждый пациент реагирует по-своему, и, как он сказал, постоянно появляются новые лекарства.

Глядя прямо перед собой, Нокс подбирал верные слова.

– Главное – не терять надежду. От меня часто требуют предсказать ход болезни, но, даже если я порой и немного смягчаю вердикт, не поверите, сколько раз я ошибался. Сколько раз я прогнозировал, что пациенту осталось еще столько и столько, и через несколько лет, когда он уже должен был лежать, обложенный цветами, он обыгрывает своего приятеля в сквош.

– Еще очень важно, – сказала Глинис, – что у меня хорошее здоровье. Нет лишнего веса, холестерин в норме, а мне ведь почти пятьдесят.

– Совершенно верно, – уцепился за ее слова Нокс. – Определять дату Страшного суда все равно что идти на войну и заранее решать, в какой день тебя убьют. В медицине, как и в военном деле, положительный исход операции во многом зависит от настроения.

Шеп не раз сталкивался с подобным определением болезни как вооруженного противостояния: «борьба» с раком, когда пациента сравнивают с «настоящим воином», обладающим «арсеналом» медикаментов, которые помогут ему «одержать победу» над вражескими клетками. Такая аналогия казалась ему неуместной. Его опыт в этом деле был ничтожно мал, но ему казалось, что это все равно что бороться с непогодой. Все выглядело так, словно врач призывал их «объявить войну» штормовому ветру или снежной буре.

– Да, я не хотел бы, чтобы мои слова прозвучали пессимистично, существует огромный выбор...

Шеп покорно отступал. Однако он был весьма удивлен. Несмотря на ее жесткость, непокорность, скрытность – из них двоих именно он был не склонен доверять оптимистичным речам Нокса, – для себя он отнес Глинис к тем посетителям сайта, которые смогли бы покрутить колесико мышки и дочитать страницу до конца. Несомненно, ему еще предстоит узнать о ней много нового. Возможно, мы начинаем по-настоящему понимать человека, только когда чувствуем, что можем его потерять.

Таким образом, чтобы «не забегать вперед», Шеп решил вернуться назад.

– Асбест, – сказал он. Странно, что за все время их разговора они ни разу не произнесли этого слова. – Мезотелиома всегда связана с асбестом. Как это могло произойти с моей женой?

– Мы это уже обсуждали, но, к сожалению, так и не приблизились к разгадке. Она сказала, что, насколько ей известно, никогда не работала с этим материалом. И как я понял, изоляцию в доме вы тоже не меняли. Однако он так быстро проникает внутрь... достаточно одного вдоха или маленького кусочка волокна... Латентный период для мезотелиомы может колебаться от двадцати до пятидесяти лет. В связи с этим практически невозможно определить, что и когда стало причиной заболевания. Да и имеет ли это значение?

– Для меня имеет, – с жаром заявила Глинис. До этого момента она казалась кроткой и смиренной; в этой вспышке гнева проявился ее истинный характер. – Если на улице какой-то проходимец пырнет вас ножом в живот, неужели вы не захотите узнать, кто он такой?

– Может быть... – сказал доктор Нокс. – Но меня больше бы волновало, как скорее попасть в больницу. Если несчастье произошло лишь потому, как говорят, что «оказался в ненужном месте в ненужное время», то кто – а вернее, что – стало причиной произошедшего, является предметом праздного любопытства.

– В моем любопытстве нет ничего *праздного*, – заявила Глинис. – Поскольку именно меня распотрошат, как рыбу, затем накачают лекарствами, от которых я буду постоянно блевать, полысею и стану спать дни напролет – если повезет, – я хочу знать, из-за кого это произошло.

Онколог стал покусывать щеку изнутри. Эти стены, должно быть, не раз становились свидетелями таких внезапных приступов гнева.

– Возможно, мне стоило раньше задать этот вопрос. Чем вы зарабатываете на жизнь, мистер Накер?

– Я владею... я работаю в компании, занимающейся ремонтом. Мы предоставляем рабочих, материалы...

Взгляд врача стал напряженным.

– Вы сами выполняете или раньше выполняли какие-то работы?

Мастер звучит унижительно – отец считал их людьми низшего сорта, и Джексон старался подобрать множество синонимов, чтобы избежать употребления этого слова, – но Шеп не считал свою работу чем-то постыдным. Глинис предпочитала во время званых ужинов представлять его руководителем компании, но он не видел в этом пренебрежительного отношения к физическому труду. С его точки зрения, куда более унижительно было просидеть годы согнувшись над одним столом.

– Конечно, разумеется.

– Вам приходилось сталкиваться с изоляцией труб, цементом... звукоизоляцией, противопожарной изоляцией, кровельными материалами, желобами, водостоками... виниловыми полами, штукатуркой... бочками для воды?

Шеп насторожился, так ведут себя на допросе в полиции преступники со стажем, отказываясь свидетельствовать против себя по праву, данному им пятой поправкой к конституции. Невинные же, уверенные в своей правоте, напротив, простодушно выбалтывают все как на духу. Неудивительно, что у слова *невинный* есть два значения: безгрешный и наивный.

– Да, со всем из вышеперечисленного. Почему вы спрашиваете? Я никогда не брал Глинис с собой на работу. Если во всех этих вещах содержится асбест, заболеть должен был я.

– Вы могли приносить частички на одежде домой. Я часто вспоминаю историю об одной женщине из Британии, больной мезотелиомой. Она судится с их министерством обороны. Ее отец работал инженером на судостроительной верфи, занимался изоляцией, и она была убеждена, что асбест попал в ее организм еще в детстве, когда она обнимала отца.

Как человек взрослый, Шеп редко краснел, но сейчас его щеки запылали.

– Какой-то притянутый за уши аргумент.

– М-м-м, – сказал доктор Нокс. – Мельчайшая частичка на пальце, которым коснулись рта? К сожалению, это вполне возможно.

Обжигающая волна пробежала по телу и сменилась ледяным потоком, когда Глинис повернулась к нему. В глазах застыл укор. Он подумал, что настолько застрял в «своем собственном мире», что жена даже не призналась ему, что больна неизлечимой болезнью, которой именно он ее и заразил.

Они не произнесли ни слова, пока шли к стоянке в Форд-Вашингтон.

– Я думал, асбест давно запрещен, – сказал Шеп, открывая машину.

– *До сих пор* нет, – ответила Глинис, ссутулившись на пассажирском сиденье. – Управление по охране окружающей среды добилось запрета в 1989 году, но в 1991-м промышленники опротестовали решение в суде. Его нельзя использовать в изоляции, еще где-то, строить что-то новое нельзя, вот и все.

Шеп поразился, какую работу проделала Глинис, чтобы узнать все это, – сложно представить, что эта информация, полученная ранее случайно, хранилась у нее в голове до положенного срока – и как долго воздерживалась от разглашения множества новых фактов о своей

болезни, хотя ей наверняка хотелось выговориться. Она весьма смутно представляла себе, каковы могут быть побочные эффекты при приеме препаратов, названия которых, как и те самые недостатки, были до мельчайших подробностей перечислены на сайте; она не смогла прочитать до конца. Однако больше всего ее интересовала информация не о том, что с ней происходит или будет происходить, а кого во всем винить. Ей всегда было свойственно выбирать неверное направление для приложения жизненных сил.

– Мне не совсем понятно, как я мог об этом знать. – Он не завел двигатель, но внимательно смотрел в лобовое стекло, словно вел машину. – Я использовал те же материалы, что и все. Нанимал профессиональных кровельщиков, водопроводчиков только с лицензией... Я никогда не гнался за прибылью и не использовал материалы, которые другие мастера не жаловали.

– Очень просто ты мог знать, должен был! Первые данные о том, что асбест опасен, датируются еще 1918 годом. В 1930-х фактов стало огромное количество, но производители пресекали все попытки провести исследования. Асбест впервые объявили причиной мезотелиомы в 1964 году. Это было еще до того, как ты открыл «Нак»! К 1970-м тот факт, что асбест способен убивать, стал общеизвестен. Я росла среди людей, с которыми это происходило, и ты тоже!

– Глинис, попробуй вспомнить, – сказал Шеп, стараясь произносить слова спокойно и сдержанно. – В первые годы я работал по двенадцать, иногда четырнадцать часов в день, чтобы поднять фирму. У меня не было времени прочитать все документы, не говоря уже о том, чтобы вглядываться в микроскопические буквы, прежде чем открыть очередную банку.

– Мы не говорим о том, что тебе надо было следить за ходом мирных переговоров на Ближнем Востоке. Ты был обязан соблюдать технику безопасности и думать о здоровье, поскольку это касается непосредственно твоей работы. И следить за новыми разработками, чтобы выбрать гарантированно безопасные, а не смертоносные материалы. Речь не только о тебе или твоей жене и детях. А ты подумал о других работниках?

– У меня нет никаких других работников, – тихо произнес он. – Глинис, зачем ты это делаешь? Мстишь мне за Пембу?

Она не собиралась менять тему.

– Эти компании черт знает сколько времени судятся с сотнями людей, но нет, ты прячешь голову в песок и отказываешься это замечать!

Шеп не имел склонности к судебным тяжбам. По складу характера он не был сторонником однозначного отношения к чему-либо; более того, предпочитал посмотреть на проблему со всех возможных сторон, отчего порой у знакомых складывалось впечатление, что у него вообще отсутствует собственное мнение. Он всегда обращал внимание на детали, всевозможные хитросплетения и смягчающие обстоятельства. Он никогда не критиковал чужих взглядов; Джексона считал забавным. Во многих вопросах сторонники выдвигали неопровержимые доказательства и побеждали. Он был рад, что у его жены есть право голосовать и что черным больше не надо пользоваться отдельными фонтанчиками для питья. Безусловно, хорошо, что правозащитники выступают против использования асбеста и его коллегам больше не надо работать с материалами, способными лишить их жизни, и невольно стать причиной болезни жены.

Тем не менее он основал свою фирму и лучше, чем кто-либо, знал свое детище: ничего ужасающего или необычного. Коллектив состоял из разных людей – в том числе и не очень аккуратных сотрудников, и фанатиков своего дела, готовых десятилетиями трудиться в одиночку. Здесь же было сосредоточение всевозможных товаров, и каждый поставлялся другими компаниями, в которых работало много людей, им тоже не всегда хотелось утром идти на работу, но они шли, чувствуя определенную долю ответственности – перед поставщиками, инвесторами, страховыми компаниями и пенсионными фондами. Но были и такие, кто искренне любил эту компанию. Нельзя сказать, что он находил оправдание плохому выполне-

нию работ, но должностные преступления, с одной стороны, не касались его, а с другой – становились чем-то глубоко личным. Он испытывал удовольствие, обвиняя «компанию» гораздо меньше, чем «индустрию» в целом. В конце концов, достаточно посмотреть на Глинис. Обвиняя во всем «индустрию», она все же получала удовлетворение оттого, что искала, кого конкретно можно наказать.

Интересно, Эдвард Нокс понимает, насколько мучительным для Глинис было осознание того, что она могла получить рак из-за простых объятий.

Тем не менее, если она хочет считать главным виновником всего работу Шеп, пусть так и будет. Возможно, это и незначительные уступки, но ему так не казалось.

– Прости, – сказал он. – Я не предполагал, что асбест может стать причиной смертельной болезни. И не знал, что он содержится во всем, что перечислил врач. Ты права, я был обязан прочитать все аннотации. Прежде чем начать работать с каким-то материалом, надо знать наверняка, что в нем содержится. Я вел себя безответственно. – Он поперхнулся на последнем слове, никогда в жизни ему не приходилось выдвигать подобные обвинения ни в собственный адрес, ни в адрес других людей. – И тебе приходится за все платить. Это несправедливо. Заболеть должен я. Мне было бы легче, если бы так оно и было. Если бы я мог забрать твою болезнь себе.

Он не очень верил, что это правда. Но при определенных обстоятельствах могло стать правдой.

Когда они вернулись домой, Глинис настаивала, что не голодна, но Шеп убеждал ее, что сейчас необходимо поддерживать силы. Он отлично знал, что для нее такое предложение будет равносильно жизненному проклятию, но все же отважился и посоветовал ей набрать вес перед операцией. После буйства в гараже в Форд-Вашингтон – никто из них не поднял руку, но то, что произошло между ними, действительно было буйством – они вели себя спокойно, подчеркнуто безразлично. Шеп вызвался приготовить ужин, хотя это никогда не считалось его обязанностью. Он старался представить это как жест раскаяния; он хотел обозначить своим поступком начало целой эпохи раскаяния, в которой еще будет много уступок и жертв и еще много приготовленных им ужинов. Она не была настроена ругаться, как и готовить ужин, поэтому уступила.

– Папа готовит ужин? – удивился Зак, заглянув в кухню. По складу характера или из-за возраста в свои пятнадцать он стремился привлекать меньше внимания и оставаться почти незаметным. Он посмотрел на отца, чистящего картошку. – Что ты натворил?

Интуиция детей всегда поражала Шепу и немного раздражала.

– С чего мне начать?

Они решили не говорить детям о болезни матери до тех пор, пока не смогут подготовить их к тому, чего следует ожидать, и не получат вторичное подтверждение диагноза. Возможно, это был лишь повод; они просто старались отложить неприятный разговор. Но Зак чувствовал: что-то произошло. Поскольку он никогда не ужинал с родителями, этот факт проникновения в кухню можно было расценить как шпионскую вылазку, а изучение содержимого холодильника – всего лишь как предлог.

Однако Шеп был рад появлению третьего лица, что помогало разрядить обстановку и создавало видимость нормальной семьи – голодный прожорливый подросток, родители, роющиеся в кладовке в поисках продуктов. Банальная сцена из прошлой жизни. В скором времени Заку предстоит научиться быть «хорошим сыном», а заодно и притворяться.

– Куда-то уходишь? – спросил Шеп.

– Не-а, – ответил Зак, для друзей Зет.

Родители окрестили его Закари Накер еще до того, как узнали, что родится мальчик. Им обоим хотелось гармоничного звучания имени и фамилии, так стрекочет печатная машинка,

тук-тук, и ритмично стучит колесами по рельсам старый паровоз. Похоже на название одной из книг «доктора Сьюза» («Кот в котелке» был, кажется, последней книжкой, которую Зак прочитал от корки до корки). Благодаря своему яркому имени он становился центром внимания, что было слишком для мальчика, отчаянно старавшегося не отрывать глаз от пола, зато он ютился в конце алфавитного списка и обозначался самой таинственной и загадочной буквой.

– Но сегодня же пятница! – сказал Шеп.

Он просто старался удержать сына в кухне. Зак нечасто выходил из своей комнаты. Редкие вылазки он совершал в основном в комнаты своих друзей. Они жили в Сети и часами не отходили от компьютера, не отрывались от игр, которые вначале приводили Шепу в отчаяние, пока он не нашел этому объяснение. Самым привлекательным в них была не жестокость и кровь. В те дни, когда выдавалось свободное время – когда это было? – Шеп любил разгадывать кроссворды. Он не был очень в них силен, но это даже лучше; к ним можно было вернуться в следующий раз, поскольку много клеточек так и оставались незаполненными. Смешно, конечно, сравнивать эти два занятия, но драйв тот же. В обоих случаях главным была предельная концентрация внимания; не важно на чем. Против этого нечего было возразить, он и не стал.

– Для меня это просто очередной день недели, – сказал Зак, закидывая пищу в ростер.

Он был долговязый и худой, поэтому мог позволить себе такую еду. Шеп закончил с картошкой и с интересом посмотрел на сына. Части его лица росли и изменялись каждая по-своему: лоб слишком широкий, губы слишком пухлые, подбородок слишком маленький; полное несоблюдение пропорций, похоже на старый драндулет, собранный из деталей разных машин. Шеп мечтал успокоить мальчика, сказать, что через два-три года все уладится, черты лица обретут симметрию и четкость.

Он не знал, как сказать это, чтобы не показаться льстивым, боялся, что его обещания, что Зак скоро будет очень красивым, лишь дадут понять сыну, насколько он сейчас безобразен.

– Привет, ма. – Зак покосился на мать, сидящую на краешке стула с необычайно сосредоточенным лицом. – Устала? Ведь только семь часов.

Она слабо улыбнулась:

– Мама стареет.

Шеп почувствовал, что игра в счастливое семейство для Зака уже слишком. Мальчик не знал, что до прошлой недели его отец собирался сбежать на Восточное побережье Африки, что его матери только что поставили редкий и страшный диагноз, и он даже не подозревал, что в болезни мамы виноват отец. Все недосказанное, эти произнесенные звуки вызывали тошноту, как гаджет, создающий набор высокочастотных ультразвуковых волн, который некоторые магазинчики прикрепляют на ночь к витрине, чтобы отпугнуть ворюшек. То, что притупившийся слух взрослого человека не позволял уловить, было доступно для подростка, такое поведение можно назвать эмоциональным мошенничеством.

Зак вытащил пиццу из ростера раньше времени, завернул в бумажное полотенце и понес свой полусырой ужин к себе наверх, даже не удостоив родителей фразой: «Давайте, пока».

Запеченная курица, отварной картофель и зеленая фасоль на пару. Глинис оценила его старания, но съела лишь несколько кусочков.

– Чувствую себя толстухой, – призналась она.

– Ты слишком худая. Тебе просто кажется. Надо перестать об этом думать.

– Я же не могу в одночасье стать другим человеком.

– Оставайся такой, какой была, но ешь больше.

– Думаю, – сказала она, – тут дело не в твоей курице. – Это было истинной правдой. Говоря о пользе хорошего питания, надо было учитывать, что хороший аппетит напрямую связан с общим позитивным настроением.

Шеп поймал себя на совершенно бесполезном, но очень сильном желании, чтобы этого всего никогда не происходило. Ему захотелось прекратить все одним властным приказом: так он говорил Заку, что запрещает ему играть в компьютерные игры, пока тот не станет учиться лучше, и все быстро разрешится. Но ничего не разрешилось, и желание пропало. Он встал у нее за спиной, положил руки на плечи и потерся щекой о ее висок, как преданный хозяину жеребец.

– Это не потому, – сказала она, – что любая уважающая себя женщина захочет, чтобы муж с ней остался.

– Ох, не думаю, что я смог бы уехать вопреки всему. Даже если бы ничего не произошло.

С его точки зрения, еще одна жертва. Вероятно, он действительно не смог бы уехать на Пембу. Как неустанно напоминал Свадебный фонтан, стоящий в соседней комнате, он был водой.

– А что, если бы все выяснилось через неделю или две?

Было ясно, что их разговор о том, почему женщина всегда хочет, чтобы мужчина остался с ней, продолжается, хоть и немного иносказательно на тот случай, если Зак опять появится в кухне. Типичный для многих родителей способ общения, приводящий, как правило, к обратному результату – подслушав такой диалог, дети находят в недосказанности подтверждение самых страшных своих опасений. Не важно. Во время их разговора Шеп был вынужден признать куда более страшные факты.

– Я бы вернулся, как только узнал, – сказал он.

– Ты же сказал, что не смог бы уехать.

– Ты говорила гипотетически. Я тоже. Прошу, давай не будем об этом.

Нелепая просьба. Десять лет назад ее сестра Руби отправила им в подарок настольный письменный прибор, однако ее выдала табличка на обратной стороне, сообщающая, что это бесплатная рекламная продукция «Сити-банка»; Глинис не упускала случая ответить ей тем же на каждый следующий день рождения. Так же Петра Карсон, ее заклятая подруга по художественной школе, приняла за чистую монету призывы Глинис откровенно высказать мнение по поводу ее работы и отважилась заметить, что ее лопаточка для рыбы, возможно, «немного коротковата и толстовата»; бедняжка пыталась, поняв свою оплошность, засыпать Глинис комплиментами, но безрезультатно. Если Глинис и могла воздержаться от комментариев по поводу передаренных подарков или критики ее творений, то простить или забыть о супружеском предательстве было выше ее сил.

Измотанная за день, Глинис решила лечь пораньше, и Шеп обещал вскоре к ней присоединиться. Когда она ушла наверх, он вышел во двор. Поле для гольфа через дорогу выглядело неухоженным и походило на запущенный сад. Погода прохладная, небо безоблачное. Без пальто было неуютно, он поднял голову и следил за самолетом на фоне звездного неба. Дождавшись, когда стихнет гул и исчезнут из вида проблесковые огни, он вернулся в дом, запер на ночь дверь и поднялся в кабинет. Из-под двери комнаты Зака пробивался свет. Шеп достал из верхнего ящика стола сложенную распечатку электронных билетов. На них стояла сегодняшняя дата. Один за другим он вставил их в шредер. Аппарат с треском поглотил бумагу; в корзину сыпались мельчайшие, словно конфетти, кусочки, в которые превращалась его Последующая жизнь. Он когда-то купил шредер, чтобы избежать случайного похищения документов; чудесным образом теперь аппарат похитил его собственное «я».

Шеп сел к компьютеру и зашел на сайт, адрес которого отыскал, нажав три клавиши. Найдя раздел «Данные о случаях выздоровления», решил не останавливаться ни на секунду – он всегда лучше всех нырял в ледяном озере в Уайт-Маунтин. Резко крутанул колесико на мышке. Внимательно прочитал статью, затем перечитал еще раз. Выключив компьютер, он старался плакать бесшумно, чтобы не разбудить жену.

Глава 4

«Рэнди Шаловливые Ручки» – пошлое прозвище, придуманное персоналом, – было таким точным, что оставалось удивляться, почему Погачник не придумал для своей фирмы название, менее располагающее к перефразированию, – Джексон давно смирился с новым положением дел. Он не пытался останавливать коллег, продолжавших отпускать колкие шуточки в адрес Шепа и иронизировать по поводу его «бегства от реальности». На его счастье, они узнали, как Погачник издевается над бывшим владельцем, и теперь чувствовали себя отвратительно. Чертовски отвратительно. Джексон это предвидел.

Он сознавал, что был для своего друга единственным доверенным лицом, с момента ужасной, глупейшей продажи «Нака», которая понизила Шепа от босса до рядового служащего, до сегодняшнего дня, – с тем сложным положением, в котором оказалась Глинис, и падением Пембы их отношения перешли в другую форму. Сейчас он стал для Шепа буфером. Эта роль давалась ему тяжело.

Шеп всегда стойко и мужественно сносил невзгоды, он мог быть за него спокоен. Нет, он никогда не протягивал руку, прося о помощи (как поступают многие в их никчемной жизни). Однако в его нестабильном положении из-за проблем с Фликой, пристрастия к азартным играм и постоянной задолженности по кредитной карте ему было просто необходимо иметь рядом плечо, на которое можно опереться. Ему приходилось молчать, а молчать для Джексона всегда было чем-то сверхъестественным.

Существовал один вопрос, поднять который было бы весьма соблазнительно, утешало то, что в этом случае у него есть прекрасный предлог и его стеснительность на этот раз не заставит, как это обычно случалось, отложить разговор. Обычно мужчины не говорят о таких вещах, хотя, возможно, и должны были бы, поскольку с женщиной такие вещи точно не обсуждают. Кроме того, следовало подумать и о восстановлении права на невмешательство в частную жизнь в той стране, где на каждой автобусной остановке вам расскажут жуткую историю из жизни совсем незнакомого человека, хотя вы просто попросили прикурить.

Когда в час дня они вышли из офиса на время короткого сорокаминутного перерыва на обед, Шеп предложил прогуляться вместо еды; после работы он спешил домой к Глинис и отменил еженедельные занятия в тренажерном зале на Пятой авеню. (Джексон испытал небольшое облегчение, когда эти тренировки прекратились; у Шепа всегда все получалось лучше его.) Хоть Джексона и расстроила перспектива остаться без любимого сэндвича, он сказал: «Конечно». Перед лицом рака все пасуют.

– Ты знаешь, Глинис никогда не умела долго хранить секреты, даже если очень старалась, – сказал Шеп, когда они довольно быстро шли по Седьмой авеню; было чертовски холодно, совсем не время для праздных прогулок. – Начали приходить счета.

– Ха, уж мне не объясняй, – горько усмехнулся Джексон. – Дай сам догадаюсь: и не один, их дюжины, верно? На пятнадцати страницах, все перечислено до мельчайших подробностей. А эти «Расшифровки услуг»!

– Я бы сказал, это объяснение, за что с тебя содрали деньги.

– Бумагами Флики занимается Кэрол, я этому рад, прямо до слез.

– И больше всего меня убивает, что в них практически невозможно разобраться. Пока у меня не появился бухгалтер, я сам вел бухгалтерию в «Наке» и не полный профан в этих вопросах. А тут сижу часами, чтобы понять, сколько и куда переводить.

– Черт знает что, ведь они должны все упростить, чтобы получить деньги, – возмутился Джексон. – Мне кажется, что все это сделано специально. Стопки бумаг, номера, коды. Это все для того, чтобы запутать окончательно. Ты заплатишь триста баксов за перевязку и даже не заметишь.

Джексон окинул улицу безнадежным взглядом. Он скучал по старому Парк-Слоуп – пиццерии, маленькие кофейни, в которых не просили четыре доллара за чашку, магазины инструментов, где можно было купить любую необходимую отвертку, а не набор по четыре штуки. «Облагорожено» – хотя ему было трудно понять, зачем выпускницы Бернарда уничтожили все, что называли «устаревшим», – теперь здесь были площадки для занятий йогой, в барах подавали смузи из органически чистых продуктов, вели прием ветеринары.

– Помнишь, что сказала Кэрол? – спросил Шеп. – Правда, тогда я ее не понял. О «Уорлд Уилнесс групп». Они оплачивают услуги по тем ценам, которые считают «разумными и распространенными в определенном регионе». Иными словами, по таким, какими они должны быть, но на деле все совсем не так.

– Да, для тебя это в новинку, старик, – сказал Джексон с некоторой снисходительностью в голосе.

– Я покопался в Интернете и понял, кто устанавливает такие тарифы. Это просто разные подразделения *одной компании*. Они и под присягой в этом не признаются, но им выгодно, чтобы цифры были как можно ниже. Я бы сказал, они на все готовы, чтобы их не повышать.

– Так вот все и получается, – почти равнодушно произнес Джексон. – Допустим, мы собрались куда-то поехать на твоей машине, а я согласился оплатить бензин. Останавливаемся на заправке, ты заливаешь полный бак, говоришь мне, что это стоит пятьдесят баксов, и протягиваешь руку. Я с выражением, словно делаю тебе одолжение, достаю двадцатку. «Что это?» – удивляешься ты. А я отвечаю, что столько бензин должен стоить – поскольку он столько и стоил, когда мне было лет двенадцать. Страховщики живут в каком-то нереальном мире, а мы, на беду, застряли в этой действительности.

Шеп покачал головой:

– Мы с Глинис всегда строго контролировали расходы. Старались отложить на Последующую жизнь. Мы даже шампуни в супермаркете покупали по спецпредложениям. Туалетную бумагу выбирали в экономичной упаковке по двенадцать рулонов, только однослойную. Заказывали бургеры с индейкой, если они предлагались по специальной цене, даже если очень хотелось стейк. А теперь пятьсот за это, пятьсот за то... И они никогда заранее не предупреждают, что сколько стоит. Это похоже на лотерею, идешь в магазин покупать рубашку, а ни на одной нет ценника. У нас двадцать процентов в состраховании, но только после того, как расходы превысят определенную сумму. Самый маленький счет за анализы – это же черт знает сколько туалетной бумаги можно закупить.

– И двуслойной, – сказал Джексон.

– Я вот думаю: зачем мы ели эти бургеры с индейкой? Может, мне не стоит об этом задумываться? Впрочем, я и не задумываюсь, сейчас для меня главное – Глинис.

– Они на это и рассчитывают, наивный. С Фликой то же самое. А это ребенок. Что нам делать, сказать, что не будем лечить ее от пневмонии в очередной раз, потому что хотим купить пишущий плеер? Эх, дружище... Неприятно такое говорить, но это только начало.

– Я знаю, – тихо признал Шеп, они свернули налево на Девятую авеню и пошли по Проспект-Парк. – Для того чтобы оплатить кипу последних счетов... Знаешь, я уже залез в деньги, оставшиеся от продажи «Нака». Они предназначались для Последующей жизни, я к ним никогда не прикасался. наших сбережений не хватило, и я был вынужден взять деньги из «Мерил Линч». Я ни разу не выписал ни одного чека на этот счет. Номер 101 пошел на оплату УЗИ.

– Полагаю, ты уже выписал и 115. Послушай моего совета и заранее закажи новую чековую книжку. Чем быстрее, тем лучше.

– Подписать первый было невероятно сложно. Несмотря на то что это «всего лишь» деньги, как сказал бы отец.

– Да, «всего лишь» результат двадцатилетнего труда. «Всего лишь» восемь лет унижений перед Рэнди Погачником.

– Это не имеет значения. Ведь тогда я даже не подозревал, на что их откладываю.

– Не подозревал? А Пемба?

– Нет, – сказал Шеп и сменил тему. – Думаю, тем не менее нам повезло. Мы живем в Штатах. У нас самое лучшее медицинское обслуживание в мире.

– Подумай, что ты говоришь, старик. Сравни с другими богатыми странами, например с Англией, Австралией, Канадой, не помню остальные. Просмотри статистику – детская смертность, скончавшиеся от рака – сам скажешь. Мы последние в списке. А платим раза в два больше.

– Да уж. По крайней мере, у нас нет социальной медицины.

Джексон загоготал. Шеп не глупец, просто предупредительный и вежливый человек. Монстр под названием «социальная медицина» зародился в 1940-х, когда Гарри Трумэн ввел Государственную службу здравоохранения, как в Британии. Обеспокоившись, что врачи будут загребать деньги, Американская медицинская ассоциация придумала этот термин времен холодной войны, еще долго наводящий ужас на граждан. Злой гений стереотипов. Так, например, супермаркеты предлагают линейку продуктов «собственного производства» и упаковывают вполне нормальные продукты в некрасивую, черно-белую упаковку, гарантирующую, что никто никогда это не купит, по цене вполтину ниже брендовых товаров. Это срывает. Даже весьма стесненная в средствах мать Джексона готова скорее умереть, чем положить в тележку такой товар.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что сорок процентов населения страны обслуживаются по программе «Медикейд» или «Медикэр»? – сказал Джексон; на уроках истории Шеп всегда клонило в сон. – Все эти охи-ахи о том, как нам не нужна социальная медицина. У нас есть социальная медицина почти для половины населения. Поэтому вторая половина платит за двоих. Слюнтяи платят первый раз за томографию Саграпов плюс еще конфискационные налоги, – «конфискационные» казалось ему прекрасным словом, которое Джексон узнал около года назад и употреблял при каждом удобном случае, – а второй раз за их личные обследования на этом чертовом томографе.

– Ты с таким презрением говоришь о «Медикейд» и «Медикэр». Не хочешь же ты, чтобы малоимущие и старики не получали вообще никакой медицинской помощи.

Джексон вздохнул. Такая реакция была предсказуема. Среди простодушных дурачков, к которым Джексон, безусловно, тоже принадлежал, Шеп Накер мог бы стать лидером.

– Нет, дело совсем не в этом. Я хочу сказать, что люди, получающие пособие по болезни, даже не подозревают, что сами оплачивают все свои счета. Они цепляются за страховки, полученные на работе, и радуются халяве. Но это не халява! Они не понимают, что получали бы сотен на пятнадцать больше, если бы не это проклятое пособие! Все чертовски печально, приятель.

– Деньги не могут взяться ниоткуда, Джекс. Налоговую декларацию тебе через крышу пропихнут, но заставят заплатить. Туда и уходят твои пятнадцать штук. Грустно, если к тому же и зарплата невелика.

– Не все обращают на это внимание. Подумай об этом. Каждая бумажка, которая попадает к тебе в почтовый ящик, стоит денег. Какому-то болвану платят зарплату за то, что он заполнил эту бумажку, каждую строчку, пометил нужные квадратики галочками и отправил все пять копий в пять разных мест. Тридцать процентов денег, потраченных на медицинское обслуживание в этой стране, идет на так называемое «администрирование». На деле самый жирный кусок прибыли страховых компаний исчезает на пути от Глинис к ее врачу, целая стая проклятых кровопийц делает деньги на ее болезни. И ни один из них понятия не имеет, как вылечить сломанную руку. Убрать этих гадов из схемы, и на эти деньги можно будет вылечить всю страну, причем без пятидесяти счетов, приходящих каждую неделю на твой адрес.

– Ты хочешь, чтобы правительство взяло на себя обязанности по обеспечению медицинского обслуживания? – спросил Шеп, криво усмехнувшись, и покачал головой. – Джекс, ты же ненавидишь правительство. Ты анархист.

– Все эти компании так повязаны с правительством, что могут и сами стать правительством. – Джексон замолчал, сбитый с толку поразительной наивностью Шепа; да, возможно, его рассуждения не во всем верны, но, по крайней мере, он много читал об этом, размышлял, в отличие от других, которые принимали все, что им говорят, на веру. – А по какой причине тогда, по-твоему, ни один мало-мальски перспективный кандидат в президенты, в том числе и демократ, не обещал ликвидировать всех этих нахлебников? Если власти ничего не изменят к лучшему, то хуже уж точно не будет. Основной принцип страхования – перераспределение рисков, верно? Объединить здоровых людей и таких, как Флика, чтобы добиться равновесия сил. Что может быть лучше «разделить риск» между всем населением? Здравоохранение, пожалуй, единственное, чем это чертово правительство обязано заниматься. И возможно, я сказал, возможно, если человеку не надо будет брать кредит, чтобы пойти к врачу, они будут думать: «Да, мы платим большие налоги, но, по крайней мере, и получаем что-то». А сейчас ты хрен что получаешь. Ой, прости. – Джексон пнул ногой бордюр. – Вот, например, новые бордюры получаешь. Вечно забываю.

Он же дал себе слово молчать и сконцентрироваться только на проблемах Шепа. Но до сих пор самое главное они так и не обсудили.

– Эй, – сказал он, поймав грустный взгляд, которым Шеп обвел тусклый, в сероватой дымке парк, зимой он был похож на размытый рисунок. – Это не пустые разговоры, дружище. Это касается вас с Глинис, сложившейся ситуации, из которой надо найти выход, а ты меня не слушаешь.

– Извини. Просто... Ну, мы получили еще одно заключение специалистов. Из «Каламбиа Пресвитериан». Они работают в паре, терапевт и хирург. Не пойми меня неправильно, но они классные. В определенном смысле.

– В определенном смысле, – повторил Джексон, заставляя себя сосредоточиться. Умение слушать не было его отличительной чертой.

– Я думал, они скажут что-то другое. – Шеп понуро опустил голову. – Ведь эта мезотелиома встречается редко. Она практически неизвестна. Я даже сам не предполагал, до чего надеялся на то, что они скажут: все это ошибка. Когда они сообщили, что диагноз подтвердился, мне казалось, что я теряю сознание. Честно, перед глазами все поплыло, какие-то черные круги. Я чуть не упал в обморок, как девчонка. Именно Глинис, а не я восприняла это как настоящий мужчина. Она уже уволилась.

– Это все чертовски тяжело, старина.

– *Прежде всего* для Глинис. Она ослабла, устала и напугана. Она весь день одна, и, когда я прихожу вечером, мне хочется, и я считаю себя обязанным, хоть немного поднять ей настроение. Обычно у меня ничего не получается. Приходится столько носиться с бумажками. Для повторной консультации мне пришлось столько всего собрать. Рентгеновские снимки. Биопсию. Взять во всех отделениях результаты анализов и письменные заключения. Заполнить дюжину всяких бланков по истории болезни. Каждый вечер я сидел до двух ночи. Кроме этого, мне приходилось еще и готовить. Делать покупки. Появляться в офисе и хотя бы делать вид, что работаю.

– Да, я хотел тебя предупредить. Я случайно услышал, как Погачник интересовался, сколько отгулов ты уже взял. Будь осторожнее с прогулами.

– У меня нет выбора. Два дня я потратил на пререкания со страховой компанией. Этих спецов из «Каламбиа» нет в списке, как и предупреждал доктор Нокс. Пришлось умолять оплатить консультацию Глинис у этих профи, а это значит снова и снова вести разговоры. Сам знаешь, тебя переключают на разных людей. Потом сорок пять минут сидишь и слушаешь

«Зеленые рукава» по сотому разу. Никак не могу выкинуть все из головы; просто с ума схожу. Наконец тебя соединяют, и выясняется, что это не тот отдел. Опять возвращаешься к набору в тональном режиме. В нашем офисе без перегородок я не могу часами висеть на телефоне, если только не говорю, спасибо нашим специалистам, с леди, у которой взорвался установленный ими бойлер.

Шеп всегда вел себя сдержанно и хладнокровно, Джексон редко замечал за ним желание выговориться.

– В любом случае, – продолжал Шеп, – я имею право опротестовать. Погачник оформил эту страховку, они настоящие сволочи, даже пальцем не пошевелили. У Эдварда Нокса за всю практику был лишь один случай мезотелиомы. По бумагам страховой компании выходит, что он чуть ли не дока в этих вопросах. Если мы будем обращаться за консультацией в «Каламбиа», придется платить сорок процентов сострахования.

– Сорок процентов чего?

– Сорок процентов счета.

– Господи. А вы и правда не можете обойтись услугами Нокса?

– Тут решается не вопрос, какую туалетную бумагу покупать. Если врачи из «Каламбиа» действительно такие хорошие специалисты, я готов на них раскошелиться. Речь идет о жизни Глинис.

– Джим! – Джексон вспомнил фразу Доктора Маккоя из телесериала «Звездный путь» («Речь идет о человеческих жизнях, Джим!»), но друг даже не улыбнулся.

– Я не собираюсь выбирать бургеры с индейкой, когда стоит вопрос о жизни и смерти.

– Тебе еще повезло, что у тебя есть запасы. Многим на твоём месте пришлось бы платить кредиткой.

– Весьма своеобразное везение. Но да, мне повезло. Я богат.

– Но сейчас...

– Я богат, – перебил его Шеп, и Джексон достаточно хорошо знал сына священника, чтобы понять, что это не пустое хвастовство. Он чувствовал свою вину. – Ты не путешествовал так много, как я.

– Что ж, *извините*. Совершенно забыл отдать десять лет жизни работе с Корпусом мира в Малави.

– Мне не следовало говорить о деньгах. Надо просто вычеркнуть эту программу из системы, потому что по сравнению с Глинис... у меня нет причин жаловаться на работу. Почаще напоминай мне об этом.

– Я никогда не слышал, чтобы ты на что-то жаловался. Думаю, тебе лучше понемногу привыкать к этому. Нехорошо, когда жизнь все подбрасывает человеку новое и новое дерьмо, если он и так уже в лежачем положении.

– Мы оба в лежачем положении, Джекс. Только ты при этом еще и не затыкаешься.

– Тогда хочу сказать, что придумал новый заголовок для моей книги, – сказал Джексон, стараясь, чтобы голос звучал задорнее. – Готов? *ОБДИРАТЕЛЬСТВО: Как Ловкие Паразиты от Бродяг до Вице-президентов Дураят Нас, Трусливых Меринов*.

Шеп ответил легкой улыбкой:

– Неплохо. Особенно понравилось «обдирательство» и «меринов». Хорошая метафора. Только «паразиты» сюда не очень подходит.

– Буду над этим работать.

– Вот это и значит «трусливый». Никогда не замечал, что все твои лозунги так или иначе связаны с членом?

Джексон тяжело взглянул на друга:

– Хочешь мне его отрезать? В основе моего сочинения лежит личный опыт.

– Что ж, кастрация тоже... практикуется. Мой любимый намного острее.

– Какой?

– Демократия – это шутка.

– Да. Просто и колко, – самодовольно произнес Джексон. – Хорошая фразочка. Теоретически вполне возможно, чтобы пятьдесят один процент населения добились от оставшихся сорока девяти всего, чего им нужно. Тот парень в Венесуэле, как его, Чавес, кажется. Он так и делает. Просто отправляет чеки беднякам. Даешь этим попрошайкам деньги, и они за тебя голосуют.

– И ты хочешь об этом написать?

– Может быть, – уклончиво ответил Джексон. – Главное в этом деле – заголовок. Если он будет правильным, уже не важно, что внутри. Можно продать пачку чистых листов, если написать на обложке «Как ирландцы спасли цивилизацию». Эти ирландцы такие самовлюбленные, что мигом раскупят их по двадцать пять баксов за штуку, только для того, чтобы положить на журнальный столик, а сами могут и не заглянуть дальше титульного листа.

– Может быть, в этом и проблема твоих заголовков. «Пенисы и приколы». – Шеп стал вспоминать. – «Как Мы, Бесхарактерные Тупицы, С Удовольствием Позволяли Высасывать Из Себя Все Соки, Тогда Как Другая Половина С Удовольствием Их Сосала». Такие слова никому не лестно услышать.

– Дело в том, что тот, кто этими книгами торгует, сам чувствует себя полным идиотом, в отличие от всех остальных, которые этого не понимают.

– Уверен, любой человек предпочтет спасти цивилизацию.

– Только не мои читатели. Они лучше спялят.

Когда они возвращались, Шеп поднял воротник и закутался шарфом.

– Глинис назначили операцию через две недели.

– Это мы проходили, – проворчал Джексон. – Мы с ужасом ждали операцию Флики на позвоночнике. Лично я на миллион бы не подпустил человека с ножом к ребенку. – Ему было трудно сдерживать себя, и он постоянно требовал, чтобы на ночное дежурство оставили более опытного сотрудника.

– Вообще-то я хотел извиниться, – сказал Шеп.

– За что?

– Я никогда не проявлял должного сочувствия к тому, что вам пришлось пережить с Фликой. Я даже представить не мог, чего вам, ребята, это стоило, пока сам не оказался по уши в таком же дерьме. Мне следовало быть более внимательным.

– Бред, приятель. Ты был очень внимателен. Да и как такое можно понять, пока сам не переживешь? – Однако ему приятно было это слышать. Шеп действительно даже не представлял, что происходит, да он и сейчас еще не до конца понимает.

– Я столько раз слышал о том, что кто-то «ложится на операцию». Но никогда об этом не задумывался всерьез. Отдает Средневековьем. Словно я повезу жену на скотобойню.

– Действительно, очень тяжело. Это только кажется, что самое страшное происходит в операционной, на самом деле самое страшное начинается после. Флика говорила, что она лежала и думала о том, например, стоит ли ей беспокоить маму и просить ее подать журнал с комода. Не самой взять – только *попросить*.

– Спасибо, – с горечью произнес Шеп. – Это очень успокаивает.

– Послушай, а что ты хочешь? Чтобы я рассказывал тебе сказки? Глинис – «стойкая женщина», способна «все преодолеть» и стать «здоровой как лошадь».

– Прости. Нет, я понимаю. Мы должны быть готовы ко всему.

– Не заморачивайся. Все равно ко всему готов не будешь.

Джексон проводил тяжелым, презрительным взглядом джоггера, который только что пробежал мимо, и с чувством собственного превосходства сильнее сжал бутылку воды. Интересно,

как нашим предкам удалось пресечь западные границы, когда колодцы были расположены на мили друг от друга, а современный американец хочет пить через каждые пять минут.

– Хотел предложить вам с Кэрол прийти к нам на ужин, – сказал Шеп. – В следующее воскресенье, если сможете найти няню. Посидим вчетвером. Это будет как «фотография до». Знаю, звучит странно, но мне бы хотелось хорошо провести время.

– Обещаю, что не просто постараюсь, – ответил Джексон, прикидывая, что время, пожалуй, выбрано не самое удачное. – Если ты хочешь, чтобы мы все были веселы, как Лари, – не стоит вспоминать об асбесте и прочих штуках. Не стоит говорить о наболевшем.

– Если мы не станем говорить о наболевшем, то весь вечер будем молчать.

– Она все еще на тебя злится?

Шеп фыркнул.

– А сам как думаешь?

– Что эта мысль греет ее по ночам.

– И убаюкивает. Я уже понял, что даже после такого диагноза люди не меняются.

– Ты бы сам не захотел, чтобы она изменилась.

– Мне очень тяжело находиться рядом. Я бы в любом случае чувствовал себя отвратительно, но еще ужаснее осознавать, что стал тому причиной. Все из-за моей небрежности. Извечное разгильдяйство. Начинаю понимать, каково людям, заразившим партнера СПИДом.

– Большинство из них отлично знает, что у них ВИЧ, но продолжают свое дело. А ты не знал. Ведь даже нельзя сказать наверняка, что частицы перенес именно ты, как сказал доктор. Не занимайся онанизмом, – уняв дрожь в голосе, сказал Джексон. – Ты занимаешься пустым самобичеванием. И все потому, что тебе стыдно за Пембу.

– Глинис намерена судиться, заставить «их» заплатить. Но мы не сможем предъявить иск ни одной компании, если я не вспомню, с какими материалами работал. Мне надо вспомнить, цемент какой марки я закупал с 1982 года.

– Я сделал, как ты просил, и тоже над этим подумал, но ничего не вспомнил. Тот список, который ты мне дал, – это марки кровельного покрытия. Знаешь, стройматериалы ведь не такие важные вещи, которые не забываются и через двадцать пять лет.

– Если она не возьмет в свои руки предъявление иска компаниям, она схватит ими меня за горло. Я предпочитаю найти того, кого можно обвинить во всем. Это мне поможет. Я извинялся перед ней до посинения, но рак все равно никуда не исчез.

Они были, конечно, лучшими друзьями, но Шеп умел в любой ситуации держать язык за зубами, поэтому, удивленный откровенностью, Джексон решил сделать еще круг по парку, чтобы дать возможность другу успокоиться.

– Ерунда все это, – сказал Шеп, взяв себя в руки. – До субботы мне придется всем рассказать.

– Об операции?

– О том, что Глинис больна. Пока никто не знает, кроме вас с Кэрол.

– Тебе не кажется, что будет лучше, если Глинис сама это сделает?

– Нет, для всех будет лучше, если это сделаю я. Особенно для ее семьи в Аризоне. Ты же знаешь Глинис. Она позвонит маме, спасует, ничего не скажет и будет полчаса слушать ее рассказ о соседях-мексиканцах, которые не сортируют мусор. Однажды Глинис не выдержала и назвала ее расисткой, Хетти обиделась и сказала что-то оскорбительное в ответ. И как это будет выглядеть? *Бип.* «Что тебе надо!» – «Я хотела сказать, что у меня рак!» *Бах,* трубка упала на рычаг.

– Господи, я не могу этого слышать! – воскликнул Джексон. – Я так ее люблю!

– Да, я тоже.

Когда они приближались к офису «Умельца Рэнди», Джексон стал насвистывать мелодию «Зеленые рукава».

– Сукин сын! – вскрикнул Шеп, по крайней мере, Джексону удалось его рассмешить. –
Когда-нибудь я с этим покончу!

Глава 5

Шепард Армстронг Накер

Номер счета в «Мерил Линч» 934-23F917

1 января 2005 – 31 января 2005

Стоимость портфеля ценных бумаг: \$697 352,41

После работы Шепу пришлось сделать крюк и забрать Верил, которая позвонила несколькими днями ранее и сказала, что собирается приехать в Элмсфорд и «зависнуть», надеясь получить приглашение на ужин. С одной стороны, момент был не самым подходящим – сейчас все могло стать опасным, с другой – весьма удачным. Зак собирался остаться на ночь у друга, и Шеп мог потренироваться сообщать неприятную новость на Берил. Они решили рассказать обо всем детям завтра, и ему предстояло еще раз все проанализировать. Единственное, чего он не знал: стоит ли говорить о прогнозах на будущее, поскольку с Глинис они это не обсуждали?

«Сделать крюк» было не совсем точное выражение, поскольку ему предстояло забрать сестру из Челси, а это означало тащиться из Бруклина в Манхэттен в самый час пик. Ей никогда в голову не приходило, что можно доехать на метро.

В обратной ситуации Берил, разумеется, никогда бы не предложила его подвезти, да Шеп и не рассчитывал. Он давно смирился со своей участью всегда давать, как и его сестра привыкла получать, словом, у них были разные миссии. А Джексон всегда ругал друга за то, что он постоянно помогает людям, а сам никогда ни о чем не попросил никого на свете. Общению с сестрой он бы предпочел работу в две смены. В связи с этим желание Берил выкроить время в ее плотном графике, чтобы уделить внимание скучному и нудному брату, означало лишь то, что ей что-то от него нужно. Нечто большее, чем ужин.

Мезотелиома могла стать для его сестры причиной крушения всех надежд, похожее чувство горечи он испытывал, когда вспоминал о Пембе. Он не солгал Джексону. Действительно, старался не думать об этом. Он сосредоточился лишь на одном, и это забирало все его душевные силы. Раковая опухоль Глинис мгновенно переключила его внимание с Последующей жизни на себя, так Зак погружается в компьютерный мир, сосредоточившись лишь на происходящем на экране. Шеп чувствовал себя потерянным из-за того, что пришлось отказаться от Пембы, сломленным и даже, пожалуй, впервые в жизни по-настоящему разозленным. Однако он не намерен сворачивать с выбранного пути. Он сделает все от него зависящее, чтобы создать комфортные условия для Глинис и помочь ей преодолеть трудности. Он все сделает, чтобы спасти ей жизнь.

Накануне визита Берил, предыдущим вечером, он до трех часов ночи готовил пласты для лазаньи и промывал зелень для салата. Он никогда не готовил и не любил это, но сейчас его желания не имели никакого значения. Он сверился с рецептами. В них было прописано все до мельчайших подробностей, которым просто нужно было следовать, что он и делал с предельной точностью.

На данный момент все, что касается выбранного пути, было многократно обдумано и взвешено – он прочитал дюжины страниц с рекомендациями, как лучше подготовить Глинис к операции. Добравшись до Бруклинского моста, Шеп позволил себе немного отвлечься и подумать о Джексоне и его бредовой идее с книгой. Даже сам Джексон не верил, что когда-то ее напишет. Он принадлежал к тому типу людей, которые умеют красноречиво рассуждать, но при виде клавиатуры сразу пасуют. Шеп всегда поражали люди, болтающие без умолку, при этом оживленно жестикулируя, но после всех этих «бла-бла-бла» не умеющие заставить себя написать ни строчки, даже если это представляется жизненно важным. Их уверенность и осведомленность исчезают без следа, словарный запас сокращается до двух слов «кот» и «есть», и

они не могут описать даже, как пройти утром к почтовому ящику. Таков был Джексон. Сегодня днем он потому так и загорелся идеей написать заголовок на пачке чистых листов, поскольку заголовки – это единственное, что ему удавалось. *БОЛВАНЫ: Как Кучка Обманщиков и Глупцов Превратила Америку в Страну, Где Мы Не Можем Ни Жить, Ни Зарабатывать, Тогда Как Эта Страна Всегда Считалась Отличным Местом.* Хм, возможно, заголовки действительно удачные.

Что же касается теорий друга, которые казались не вполне продуманными и взвешенными, Шеп не был уверен, что тот и сам в них полностью верит. (Сложно отнести эти лозунги к программе политической партии, а Джексон был политической партией, хоть и не имел избирателей.) Все сводилось приблизительно к следующему. Американцы делились на тех, кто играет по правилам, и тех, кто играет этими правилами (или попросту их игнорирует). Джексон говорил, что одна «половина» пьет кровь другой, но намекал, что пропорции находятся совсем не в таком соотношении; часть нахлебников равняется не половине, а трети или даже четверти от всего населения. За годы Джексон придумал этим двум классам множество прозвищ, в которых неизменно присутствовала аллитерация, как в названиях некоторых детских книг: Простаки и Паразиты. Лохи и Ловкачи. Недотепы и Нахлебники. Батраки и Бездельники. Ишаки и Шакалы. Лакеи и Лодыри. Последние года три или четыре он использовал выражение Слюнтяи и Сатрапы; вероятно, оно нравилось ему больше прежних.

По словам Джексона, Сатрапы составляли большинство прежде всего в правительстве и среди тех, кто жил за счет правительства: снабженцы, «советники», «мозговой центр» и лоббисты. Особое презрение он испытывал к юристам и бухгалтерам, которые любили при каждом удобном случае давать понять, что они на твоей стороне, эта каста зажавшихся паразитов принимает очередной закон, думая не о стране, а об увеличении собственной прибыли, их непомерные аппетиты ведут к росту налогов. К Сатрапам также относились живущие на пособие. Разумеется, Джексон утверждал, что они наносят меньше всех вреда, как и преступники. Марафонцы, по неосторожности растянувшие мышцы и ставшие нетрудоспособными. Банкиры, которые ничего не производили, чье стремление делать деньги из денег породило лженауку, дурманящую не одно поколение. В их число не входили только скромные дельцы, которые не нажили огромных состояний – что волноваться, если он украл лишь пятьдесят центов с каждого доллара? (Джексон с возмущением отвергал тот факт, что вырос на антикоммунистической пропаганде. Если вы половину всей жизни работаете на правительство, значит, страна коммунистическая.) Богатые наследники, к которым относился Погачник. Нелегальные эмигранты, которые были «недокументированными» и оставались таковыми навсегда, если это им выгодно; они были похожи на Слюнтяев, ставших членами политических партий, получение документа сделалось для них высшей целью.

Преступники, естественно, также причислялись к Сатрапам. Джексон презирал влиятельных Сатрапов, скрывающих свою алчность под маской добродетели, нравственности и самопожертвования (выражение «слуги народа» сводило его с ума), простые жулики вызывали у него чувство восхищения. Джексон утверждал, что самое разумное для молодого поколения работать на самого себя, без всяких там налогов. Он с почтением относился к тем, кто не ведет двойную бухгалтерию и не связан с черным рынком. Он питал слабость к фильмам про мафию и смотрел сагу «Крестный отец» пять раз. Преступники были для Джексона олицетворением боевого духа Америки.

Что же касается Слюнтяев, тут Джек с радостью признавал свое пожизненное членство. Он причислил к этой группе всех лохов, которым пришлось покориться судьбе, поскольку на другое не хватало мужества или изобретательности. У Слюнтяев не было ни находчивости, ни гибкости ума, считающихся национальными чертами характера. Никогда не бунтовавшие в детстве, Слюнтяи казались немного заторможенными и в зрелом возрасте, фигурально выражаясь, накрывали на стол и покорно выносили мусор. Может, они и могли себе позволить

выругаться в присутствии отца, но никогда не позволяли материться. Даже по пятибалльной шкале моральных суждений (Шеп понятия не имел, где Джексон ее откопал, но подробно растолковал им все о ней, когда они вчетвером собрались вместе, как делали каждое лето), Слюнтяи прочно засели в самом низу. Основной мотивацией для них была не сила, а страх. Они обливались потом при одной мысли об уплате налогов, подсчитывали суммы на мятых квитанциях на 3,49 и 2,67, нервничали, когда калькулятор при повторном подсчете не выдавал тот же самый результат с точностью до цента – даже не задумываясь о том, что получатель их жалких отчислений даже не обратит внимания на *349 миллионов долларов*, исчезнувших где-то в Главном бюджетно-контрольном управлении, или, не задумываясь, выбросит *267 миллиардов долларов* на бесполезную военную операцию в какой-нибудь пустыне или суперсовременный шаттл, что странным образом не вызывало у Слюнтяев подозрений, что их обманули, или на худой конец горькой усмешки. Они всегда вовремя оплачивали страховку на машину; в них неожиданно врзается несущийся на красный свет гватемалец, естественно, без страховки, и они, будучи не в состоянии позволить себе полную страховку, вынуждены были опять платить. Они никогда не начинали ремонт или перестройку дома без соответствующего разрешения, прежде всего обманчиво полагая, что он им действительно принадлежит. Эти неудачники шли по жизни, даже не задумываясь, что могут в одночасье потерять все, что досталось им тяжким трудом, короче говоря, они просто глупцы.

Но Джексон настаивал, что так быть не должно. Украдкой, осторожно, Слюнтяи стали пытаться захватить систему, которая наверняка огорчила бы отцов-основателей, никогда не желавших породить монстра. Не то чтобы они хотели создать демократию, как альтернативную религию или разрушительное оружие, предлагаемое на экспорт, продать которое за границу, кстати, стоит немалых денег. Томас Джефферсон и его команда предполагали построить государство, в котором человек чувствовал бы себя свободным и мог жить так, как захочет, пока не причиняет никому вреда, – короче говоря, «тепленькое местечко».

С точки зрения Джексона, существующее правительство представляет собой некоммерческую организацию, о влиянии которой магнат средней руки может только мечтать: монополия, имеющая возможность требовать все, что считает нужным, не возлагая при этом на себя никаких ответных обязательств. Бизнес, не дающий права выбора миллионам клиентов покупать или нет тот мифический продукт, – это еще хуже, чем быть запертым в маленькой комнате с пакетом просроченной еды. Поскольку все политики были по определению «при кормушке», никто из них не имел никакого желания сдерживать влияние и растущую мощь этой удивительной корпорации, да им это было и не под силу. Поэтому на протяжении десятилетий «ЮСА инкорпорейтед» занималась исключительно экспансией. Джексон предрекал, что в самом ближайшем будущем Слюнтяи поумнеют и заявят о себе. Когда все население работает только на содержание правительства, страну не может не лихорадить. Он объяснял, что подобное происходило и в Европе. Когда соотношение Сатрапов к Слюнтяям станет сто к нулю, им уже не из кого будет пить кровь, и они вымрут естественной смертью или уничтожат друг друга.

Шепу не хотелось думать, что он ничего не получает от правительства. Дороги. Мосты. Светофоры и парки. Все это Джексон обозначил одним словом «тротуары». Муниципальные власти создали необходимую для нормальной жизни инфраструктуру, но это был лишь маленький кусочек от всего пирога, такой тоненький, что почти незаметен на тарелке. Как любил повторять Джексон, если бы все граждане внесли одинаковую первоначальную сумму в банк, они бы с легкостью покрыли все расходы на коммунальные нужды – об этом и говорил в свое время Джордж Вашингтон.

Пока Шеп забавлялся, наблюдая, как обществу предлагают новые необходимые вещи – тест на наркотики и допинг, контроль над пробками в воздухе, – он признал, что ощутить личную выгоду от исправной уплаты налогов на удивление трудно. Также стоило признать огром-

ное количество отделов и инстанций, контролирующих его жизнь, но это нельзя назвать порядком. Любой порядок хорош, даже грубо навязанный, он лучше хаоса.

Если бы он и смог признать карикатурную классификацию Джексона, все же причислил бы себя скорее к Сатрапам, нежели к Слюнтяям. Человеком, от которого зависят другие, настоящим мужчиной в его понимании этого слова. Он признавал существующее негласное правило – сегодня ты заботишься о людях, завтра они о тебе – и выполнил свой долг, от которого даже не думал отказываться. Он до конца своих дней останется для всех источником, а не сточной канавой, поскольку на него можно положиться, он вполне уверен в себе и способен *оставаться в форме*. Крупное, прочно стоящее на земле создание шутя справится с маленьким. Победит и самодовольство, и мошенничество, и подлость. Не возникнет проблем и с возмущением неблагодарного должника. Удивляло только, что Джексон, всегда высмеивающий именно таких людей, надежных, мощных, восхищался Шепом Накером, обладавшим всеми этими качествами.

Непонятным оставалось и то, что его лучший друг тратит столько сил на пропаганду идеи, которая выявляет его слабость, малодушие и трусость. Было очень мудро со стороны Шепы продать «Нак» с оговоркой, что руководящий персонал будет получать шестизначную зарплату, и потребовать письменное заверение Погачника, поэтому Джексон зарабатывал достаточно денег, хотя и постоянно жаловался на высокие налоги, что заставляло Шепу задуматься, сделал ли он доброе дело. Что с ним не так, почему он постоянно чувствует, будто что-то упустил в жизни, что-то недополучил?

Удивительно, но Берил уже стояла у окна в фойе, и ему не пришлось кружить по Шестой и Седьмой авеню, дожидаясь, когда она спустится. Она устроилась на переднем сиденье, закутанная в какие-то накидки и шарфы, позвякивая при этом украшениями из камней и перьев, которые так ненавидела Глинис. Ее наряд навевал мысли о магазине распродаж, но он был готов поклясться, что она заплатила бешеные деньги, чтобы ее внешний вид имел налет богемной небрежности – платье Берил было типичным для поколения, ностальгирующего по шестидесятым. Ее старший брат и сам почти скучал по той эпохе, но сталкивался в жизни с такими последствиями эры хиппи, которые начисто отбивали желание тосковать по ушедшим временам. Именно *эти* люди сейчас и пополнили ряды Слюнтяев. Вечно ищущие, где занять деньги, или попросту украсть, неустанно болтающие всякую антикапиталистическую ерунду, они свалились тяжким грузом на плечи родителей. Шепу было жаль парней, погибших во Вьетнаме. Выжившие превратились в старые развалины.

Берил чмокнула его в щеку и воскликнула: «Шепардо!» – детское прозвище в стиле неоренессанса всколыхнуло в нем пеструю гамму чувств.

– Господи, надеюсь, никто не увидит меня в этой колыхаге. Ты должен помнить, я снимала акцию группы активистов движения по борьбе с глобальным потеплением, когда они били такие машины.

Если Берил так волновали выбросы углекислого газа в атмосферу, она должна была бы воспользоваться метро.

– Это «мини-купер», – мягко сказал он. – Вполне новый.

Она небрежно спросила, как дела. Шеп был рад, что сестра не обратила внимания, что он не ответил.

– Над чем сейчас работаешь? – поинтересовался он.

Разумнее всего сейчас было поговорить о Берил. Состояние дел в «Умелце Рэнди» ее никогда не интересовало; она считала, что там вообще ничего не происходит. Это была тяжелая работа, предубеждение к которой она унаследовала от их отца.

– Фильм о парах, которые решили не иметь детей. В центре внимания люди лет сорока пяти, практически упустившие последний шанс. О том, довольны ли они своей жизнью, не

считают ли, что пожертвовали чем-то очень важным, отказавшись иметь семью. Очень любопытно.

Шеп попытался сделать заинтересованное лицо, что на этот раз далось ему с невероятным трудом.

– Большинство из них сожалеет?

– Большинство нет. Они совершенно счастливы!

Она стала рассказывать подробности, и Шеп заметил, что со стороны ее речь кажется бессвязной. Как документалист, по крайней мере, в таком качестве она была известна, если вообще была известна, она сняла фильм, в котором пела хвалебную оду Берлину, в Нью-Хэмпшире произносили *Бер*-лан, на провинциальный манер выходцев из Европы, в чем, по его мнению, скрывалось определенное очарование, и говорила о немецких эмигрантах времен Первой мировой войны. Она использовала интервью с представителями общины, население которой неуклонно уменьшалось. В ее работе было рассказано многое о жизни Новой Англии, и она в целом напоминала фильм Майкла Мура. Шепу понравилось. Он искренне порадовался за Берил, когда ее часовая работа была заявлена для показа на кинофестивале в Нью-Йорке. Потом сестра сделала короткий документальный фильм о людях, лишенных обоняния, и более серьезный о выпускниках университетов, бравших кредит на получение высшего образования.

Выбранная ею тематика только казалась случайной, на самом деле тогдашний друг Берил был членом как раз той группы, которая крушила машины, а сама Берил поддерживала их акции лишь по той причине, что не могла позволить себе купить автомобиль. Берил было немного за сорок, и у нее не было детей. Как и Шеп, Берил выросла в Нью-Хэмпшире, в городе Берлине. Сестра от рождения была не способна воспринимать запахи – имела полное представление о предмете – и до сих пор не выплатила кредит на образование. Личную причастность сестры к тематике работ подтвердила ее прошлогодняя картина о тех, кто снимает документальные фильмы, в работе присутствовал легкий налет грусти и было задействовано множество друзей.

Решительность, напористость, взбалмошность, свойственная ей в юности, с годами превратилась в жесткость и постоянно угнетенное состояние духа. Она «покажет им», кто бы *они* ни были. Производить фильмы на весьма скудные средства казалось в ее случае скорее не привычкой, а вызовом. Будучи недостаточно юной, чтобы к ней относились как к молодому дарованию, Берил все еще не смогла утвердиться в жизни настолько, чтобы ее воспринимали так, как ей того хотелось. Ах да, обоняние появилось у Берил еще в раннем детстве. За фильм она получила множество денежных премий от художественного совета. Однако фестиваль прошел много лет назад. Технический прогресс, позволяющий ей работать с портативной камерой и держаться в рамках бюджета, доказал, что любой желающий может сделать то же самое, это привело к растущей конкуренции. Ограниченность в средствах в ее возрасте делала ее все больше похожей не на талантливую женщину, посвятившую жизнь творчеству, а на неудачницу.

– Ты больше не думал о спонсорстве фильма о людях, бросивших погоню за деньгами? – спросила она, когда они надолго встали в пробке на Вест-Сайд-хайвэй. – Я думала назвать его как-нибудь «Вера в Последующую жизнь».

Шеп уже пожалел, что поделился с ней столь личными для него выражениями.

– Нет.

– Ты будешь смеяться, но такие фантазии встречаются достаточно часто.

– Спасибо.

– Я просто хотела сказать, ты будешь не одинока. Что-то типа клуба. Хотя, честно говоря, я с трудом нашла тех, кто реализовал свою мечту. Всего два случая, но и эти люди вскоре вернулись. Одна пара уезжала в Южную Африку, и женщина там едва не умерла; еще один

мужчина продал все, что имел, и уехал на греческий остров, где ему было скучно, тоскливо и языка он не знал. В обоих случаях никто не продержался больше года.

Шеп старался не вникать во все перипетии, которые уже разрушили большую часть ее жизни, и решил переключить разговор на семью. Слава богу, он ничего не говорил Берил об отъезде в Пембу.

– Разумеется, ты могла поговорить только с теми, кто вернулся, – заметил он. – Люди, нашедшие свое счастье, сейчас далеко отсюда.

Сейчас для него это были пустые рассуждения, но все же, стоя в громадной пробке, он желал, чтобы хоть для кого-то Последующая жизнь стала реальностью.

– Эй, ты сделал новый фонтан? – спросила она.

Куда более безопасная тема. В отличие от его семьи Берил считала его фонтаны очаровательными.

Когда они свернули на Крессент-Драйв, Шеп понял, какую ошибку он чуть не совершил в разговоре с сестрой, хотя, возможно, так было бы и лучше. Он неожиданно понял, что имела в виду Глинис, когда сказала, что не хочет, чтобы ей было хорошо. По непонятной причине Шеп хотел, чтобы Берил было как можно сложнее.

Жена и сестра сдержанно поздоровались в кухне. Отсутствие театральной жестикуляции и вздохов позволяло Глинис сделать вывод, что Шеп ничего не сказал сестре в машине о ее болезни; обмен взглядами подтвердил ее правоту. У них была общая тайна, и это только их дело, когда и кого посвящать в нее. А пока неприятный вечер продолжался – неприятный для Берил, – Шеп понял, что полезного вынесла для себя Глинис из множества исследований и анализов. Ожидание делало ее сильнее. Нечто похожее на хождение по дому с заряженным пистолетом в руке.

Глинис возилась с фольгой на лазанье. Шеп посетовал, что должен заниматься едой. Берил была слишком рассеяна, чтобы заметить, что обычно ужином занималась ее невестка. Она, похоже, также не заметила, с какой заботой Шеп помог Глинис занять место за столом и сам принес ей выпить. За последние две недели Глинис не сделала ни глотка вина, и он очень надеялся, что это поднимет ей настроение. Берил даже не подумала принести с собой бутылочку. Впрочем, она никогда этого не делала.

Пока они ждали, когда будет готово горячее, Берил осушила бокал и принялась поглощать оливки и бросать косточки прямо на стеклянную поверхность стола, не обращая внимания на специальную мисочку, стоящую рядом со Свадебным фонтаном. Она нервничала, отчего Шепу стало вдруг легче.

– Итак, Глинис, – начала она, – что сделала новенького? С удовольствием посмотрю. – Этот разговор был начат не просто с целью заполнить паузу – Берил была готова поклясться, что невестка несколько месяцев не заходила в мастерскую. Глинис и Берил ненавидели друг друга.

В любом другом случае Глинис немедленно бы встала в боевую стойку, но на сегодняшний вечер у нее были другие планы, поэтому вела она себя сдержанно, но шурилась по-кошачьи хитро и лукаво.

– Ничего с тех пор, как ты спрашивала об этом в прошлый раз, – сказала она. – Нет вдохновения.

– Так дерьмово?

– По-разному. Без дерьма не обходится.

– Все еще делаешь формы для шоколадной фабрики?

– Вообще-то я недавно уволилась. Но если тебя интересует, остались ли у нас коробки бракованных сладостей, то да. Они немного помялись, но еще свежие, можешь взять сколько захочешь.

– Я совсем не об этом... – Она клонила именно к этому. – Но если ты настаиваешь, то конечно. С удовольствием.

Глинис скучала по своей работе больше, чем он ожидал. Шеп поставил коробки рядом с дверью, чтобы они напоминали ей, насколько незначительна ее потеря.

Он налил сестре еще вина. Размышления о тайных планах на сегодняшний вечер доставляли садистское удовольствие, но может так случиться, что они вообще не коснутся этой темы.

– Да, знаете, на прошлой неделе я ездила на автобусе к отцу, – сказала Берил, которая предпочитала навещать в Нью-Хэмпшир только с братом на машине. – Я немного за него переживаю. Не думаю, что он сможет и дальше жить один.

– До этого он прекрасно справлялся. И с головой у него все в порядке.

– Ему почти восемьдесят! Ночами он, как правило, спит в кресле в гостиной, чтобы не тащиться наверх по лестнице. Питается исключительно сэндвичами с сыром. Его бывшие прихожане помогают и приносят продукты, но они такие же дряхлые, как и он. И еще мне кажется, что ему очень одиноко.

Шеп, который раза в три чаще бывал в Берлине, великолепно знал о кресле, но желание отца ночевать в гостиной было вызвано скорее ленью, чем трудностями с передвижением. Отец засыпал с детективом в руках – слава богу, не с Библией – и очень любил сэндвичи с сыром, поджаренным на гриле. Однако Шепу было приятно беспокойство сестры.

– Что ты надумала?

– Надо бы поместить его в один из этих домов для стариков.

У его сестры все же очень смешная манера говорить.

– Ты же знаешь, они не попадают под программу льготного медицинского страхования для пожилых людей.

– Почему?

– Какое это имеет значение – почему? – вскипела Глинис. Берил считала, если выяснить, почему так происходит, то можно все изменить.

– Их услуги не относятся к медицинской помощи, – терпеливо объяснил Шеп. – Я уже выяснял. Проживание в таких местах стоит от семидесяти пяти до ста тысяч в год. У отца нет накоплений, поскольку он всегда раздавал деньги нуждающимся, а пенсия ничтожно мала.

– Шепардо! Я говорю о том, что наш отец нуждается в уходе, а ты опять о деньгах.

– Потому что твое предложение требует больших затрат.

– Больших затрат от нас, если говорить точнее, – сказала Глинис. Тот факт, что Шеп «одолжил» сестре десятки тысяч долларов, выводил его жену из себя, а маленькая зарплата сделала ее еще более щепетильной в этих вопросах. – Или ты решила внести свою лепту? Ведь он и твой отец тоже.

Берил подняла руки и воскликнула:

– Какое жестокосердие! Полагаете, что в тот день, когда я выиграла в лотерею, вы просто забыли купить газеты? Я уже потратила все деньги, полученные на последний фильм о бездетных, и заканчиваю его на собственные средства – на то, что от них осталось. Я вовсе не бесчувственная дрянь. Просто нахожусь в стесненных обстоятельствах.

Бедность – вещь неприятная, но сейчас Шеп завидовал сестре, поскольку из-за безденежья она лишалась множества проблем. Отсутствие достатка позволяло Берил о многом не беспокоиться, начиная с реставрации Уильямсбергского моста, заканчивая уходом за отцом. Берил была «неплатежеспособна», но это не избавляло ее от ответственности в других вопросах, Шепу казалось, что в данный момент ему необходимо встать на сторону жены.

– Если ты решила поместить отца в дом престарелых, то тебе и счета оплачивать.

– Разве не ты продал «Нака на все руки» за миллион долларов? Господи, Шеп!

Он поклялся себе, что в будущем будет нем как рыба.

– Мой карман не бездонный. Мне есть на что тратить деньги. Если мы поступим так, как ты предлагаешь, то загоним себя в кабалу на ближайшие пять – десять лет при условии, что здоровье отца не ухудшится.

Взгляд Берил потух; она определенно надеялась получить еще одну дотацию от брата.

– А что, если отец переедет сюда? Ведь комната Амелии пустует.

– Нет, – резко ответил Шеп, ругая себя за то, что не сообщил новость о болезни Глинис в машине. Это избавило бы его от столь неприятного разговора. – Не сейчас.

– А почему не к тебе? – спросила Глинис. – У тебя роскошные апартаменты на Манхэттене. Кроме того, если ты не можешь содействовать материально...

– Верно, – подхватил ее игру Шеп. – Я бы мог тебе помогать.

Разумеется, Берил никогда не поступится личными интересами ради исполнения дочернего долга, но Шеп решил, что если ему и не удалось загнать сестру в угол, то уж понервничать ей точно пришлось.

– Этот фокус у вас не пройдет, извините, – отрезала Берил. – Но это только одна из тем, которую я хотела сегодня обсудить.

Шеп интуитивно предчувствовал, *о чем* она хотела поговорить. Они перебрались на кухню, где уже подгорала лазанья.

Уже много лет Берил жила в огромной квартире с высокими потолками и прочими атрибутами апартаментов на Западной Девятнадцатой улице и платила за нее сущие гроши. Проживание в громадной квартире с тремя спальнями сказало на продолжительности ее романов. Она всегда могла отправить партнера в ссылку в другую спальню, что воспринималось благосклонно, поскольку даже кладовка в ее хоромах была больше всей квартиры, которую эти мужчины могли себе позволить. Шеп не считал нужным высказывать свое мнение, что кавалеров привлекает в сестре только жилплощадь, возможно, они и любили Берил, но прежде всего любили ее квартиру.

Она жила в одном из зданий, которое входило в программу «контроля аренды» для домов, построенных после Второй мировой войны. Владельцы домов были одержимы мыслью выселить жильцов любой ценой и после ремонта сдавать квартиры по «рыночным ценам», ради исполнения задуманного они даже готовы были поджечь здание.

– Если арендатор умер, – сообщила Берил, с царственным видом принимаясь за салат, – ну, хоть тело еще не успело остыть – уф, вызываются рабочие «для ремонта», они рушат все, включая карнизы и люстры! Громят все. Владелец полностью переделал фойе, хотя оно было недавно отремонтировано, а в подвале сделал маленькие квартирki-студии, поэтому теперь у нас нет прачечной. Недавно принял за квартиру моего соседа. Таким образом, семьдесят пять процентов здания переделывается, а это уже расценивается как «капитальный ремонт». Значит, дом больше не попадает под программу стабилизационной аренды. Ума не приложу, как мне быть!

– Ты хочешь сказать, что тебе придется платить столько, сколько она стоит в реальности? – спросила Глинис.

– Да! – Берил трясло от злости. – Вместо сотен придется отдавать тысячи! Тысячи тысяч!

– Я поражен, – сказал Шеп. – Арендаторы в этой программе всегда были надежно защищены законом, почти как вымирающие виды животных.

– Мы *и есть* вымирающие виды. Все бы ничего, кроме *одного*: владелец наконец добрался до необходимых семидесяти пяти процентов, нанял каких-то болванов и устроил настоящую охоту на ведьм против незаконной аренды. А тот парень, который является официальным квартиросъемщиком еще с каменного века, уехал в Нью-Джерси.

– Ты хочешь сказать, что арендатором была не ты?

– Фактически, конечно, я! Я жила там семнадцать лет!

Интуиция подсказывала Шепу, что проблемы Берил вот-вот станут его проблемами – они всегда рано или поздно переключивались к кому-то, – но он злорадствовал, что наконец-то сестра лишится возможности жить в шикарной квартире почти даром.

– О да, – задумчиво произнес он, – по рыночной стоимости это будет тысяч пять-шесть в месяц.

На лице Глинис не было и следа злорадства; она выглядела радостной. С тех пор как врач поставил ей диагноз, она впервые увидела перед собой человека, которому повезло еще меньше; а еще приятнее было то, что это произошло именно с Берил.

– Так каков твой план? Только не говори, что *ты* решила занять комнату Амелии.

– Я буду *судиться!*

– С кем и за что?

– Он годами планировал, как все устроить, а меж тем в этой «реставрации» нет никакой необходимости.

– Постой, это его здание?

– Но это *моя* квартира!

– Только при условии, что ты готова платить аренду. Послушай, – Шеп подцепил вилкой подгоревший краешек лазаньи, – думаю, в этой ситуации лучше считать, что стакан наполовину полон, а не наполовину пуст. Подумай, как тебе повезло. Как у тебя все прекрасно складывалось все эти годы. Да, этому пришел конец. – Он кашлянул. *Как тебе повезло; как у тебя все прекрасно складывалось; да, этому пришел конец.* Он мог сказать все это и самому себе.

– Никто не ощущает себя счастливым, – парировала Берил, – до того, как счастливые дни заканчиваются.

– Повтори это для него еще раз, – сказала Глинис. Редкий случай единодушия.

Шеп предложил всем еще по кусочку. Он взял знаменитую лопаточку Глинис для рыбы, чуть громоздкую для лазаньи и способную поцарапать дно формы для запекания. Но он хотел подчеркнуть достоинства жены, у которой последнее время совсем не было возможности покрасоваться перед благодарной публикой. Когда они сели за стол, невозможно было не заметить изящную серебряную вещицу с вставками цвета аквамарина и бирюзового, что вызвало восторг в глазах сестры и давало понять, что Глинис способна создать настоящие произведения искусства. Это приносило гораздо больше радости, чем натянутые комплименты Берил, сомнительное удовольствие для Глинис.

Глинис отказалась от лазаньи. «Пожалуйста», – прошептал Шеп. *Пожалуйста.* Он все равно положил ей на тарелку небольшой кусочек, продолжая бормотать себе под нос. *Ты не понимаешь. Важна не сама еда, а хочешь ты или нет.* Берил была слишком погружена в размышления о жилье, чтобы заметить их многозначительный обмен взглядами. Он понятия не имел, как направить разговор в нужное русло, чтобы наконец перейти к основной теме, и теперь старался всем своим поведением продемонстрировать, что ему есть что сказать.

– Знаешь, говоря о невезении, – неожиданно произнес Шеп, – у тебя есть медицинская страховка?

– Готова поклясться своим первенцем, что никакой страховки у меня нет.

– Что же ты будешь делать, если, например, попадешь в аварию или внезапно заболеешь?

– Черт подери, – Берил не отличалась хорошими манерами, – разве меня не обязаны привезти в приемное отделение?

– Только для оказания первой помощи. Но все равно потом тебе выставят счет.

– Который они могут засунуть туда, где никогда не светит солнце.

– Это может повлиять на оценку твоей платежеспособности, – сказал Шеп, начиная раздражаться; именно о *платежеспособности* он думал, когда собирался сбежать в Пембу.

– Меня это не касается, большой брат. Это твоя жизнь, не моя. – Всем своим видом Берил старалась больше задеть степенного братца, живущего в самом обычном доме в Уэстчестере, имеющего машину-развалюху и избалованную бездарную жену.

– А вдруг случится что-то ужасное... – не унимался Шеп. – Ну, кому за все это платить? Мне? Отцу из его крошечной пенсии? Я только из этих соображений оплачиваю страховку Амелии.

– Плати на здоровье. Я не буду против, если ты и мне оформишь страховку. Я так понимаю, ты больше беспокоишься не о моем здоровье, а о себе.

– В твоём возрасте придется платить немалые деньги ежемесячно.

– Бывают месяцы, когда мне приходится жить на тысячу, – сказала Берил. – Подумаешь, я буду жить на улице, на помойке, зато у меня будет самая дорогая страховка из всех возможных!

– Если у тебя нет полиса, – заметила Глинис, – в больнице за услуги с тебя возьмут в два раза больше.

– Как разумно, – фыркнула Берил, – брать двойную цену с тех, кто даже страховку не может себе позволить.

– Не будем обсуждать систему, – спокойно заметил Шеп. – Ты не молодеешь, всякое может случиться, и об этом надо заранее побеспокоиться.

– Послушай! Я не собираюсь скопытиться в ближайшее время только потому, что у меня проблемы, ясно? Если ты действительно за меня беспокоишься, то можешь мне помочь. Поскольку бороться я не в силах – просто не могу себе этого позволить, – остается только съехать. Я подумала, что могу на время перебраться в Берлин, отец сказал, что не возражает. Пересидеть там, накопить денег. Но чтобы опять снять квартиру в Нью-Йорке, мне надо иметь определенную сумму в качестве залога. И заплатить за аренду месяца за три вперед. Ты же знаешь, какова ситуация на Манхэттене – студия размером с туалет стоит три штуки в месяц! Послушай, мне очень неприятно, но... Ну, может, мне лучше что-то купить? Вместо того чтобы выбрасывать деньги на аренду? Если бы ты мог дать, скажем, сто штук или около того... Считай это капиталовложением.

– Ты хочешь, чтобы я дал тебе сто тысяч долларов. *Или около того.*

– Я больше не хочу оказаться в положении, когда владелец может запросто выставить меня на улицу из собственной квартиры. У меня нет другого выхода, Шеп, умоляю тебя.

Шеп украдкой под столом пожал руку Глинис. Они не раз страшно ругались из-за этих *долгов* Берил; его твердый взгляд дал ей понять, что на этот раз он не собирается тайком, пока Глинис отвернулась, сунуть сестре чек.

– Берил, – сказал он ровным, спокойным голосом, – мы не можем купить тебе квартиру. Берил посмотрела на брата так, словно он в одну минуту пал в ее глазах.

– Может, ты все же об этом подумает?

– Мне не над чем думать. Мы не можем этого сделать.

– Почему же *нет*?

Подобного рода претензии заставляли изменить политику. Шеп был готов к этому. Он сделал глубокий вдох, очень глубокий, чтобы Берил успела успокоиться. Она, похоже, это заметила, но нежелание признавать, что «нет» в денежных вопросах означает «нет», заставляло ее отказаться от мысли сжечь мосты.

– И не говори мне, – начала Берил, – что ты копишь деньги на Последующую жизнь. Ты откладываешь миллионы на какую-то мифическую Валгаллу, а тем временем твою сестру выбросят на улицу. Ты будешь жить в свое удовольствие год за годом, делая вид, что занимаешься «исследованиями». Вернись к реальности! Если ты собирался сбежать в одну из стран третьего мира и лежать там на пляже, потягивая пинокладу, почему же до сих пор не уехал? Тебе наплевать на мою жизнь! Нам всем приходится платить за твои бредовые идеи, за твою якобы исключительность, а на деле ты обычный работяга, каких в этой стране миллионы. Я

всегда хотела заниматься чем-то интересным, создавала фильмы, заставляющие думать, показывающие, что жизнь бывает разной, и не моя вина, что такое искусство плохо оплачивается. Моя работа не легче твоей, а намного тяжелее. Но я не могу похвастаться высокими заработками, а теперь мне еще и негде жить – спасибо богатеньким капиталистам, таким как ты, которые думают только о собственной наживе. А ты меж тем живешь в солидном доме на окраине, едешь на новенькой машине и имеешь счет с множеством нулей – почему? Ты только и думаешь, что о Последующей жизни, братец, и это отвратительно, что у тебя нет ни малейшего желания помогать своей семье!

Поняв, что сестра выговорила, он тихонько сжал под столом ладонь Глинис и положил руки на стол прямо перед собой.

– Все правильно, – сказал он очень спокойно. – Я долго мечтал, но так и не решился начать размеренную благополучную жизнь в менее дорогой стране. Мне очень жаль, что так случилось. А еще больше я сожалею из-за причины, разрушившей мои планы.

– Какой это?

– Мы недавно узнали, что у Глинис рак. Это очень редкое заболевание, называется мезотелиома. Я сам мог стать тому причиной, поскольку работал с материалами, содержащими асбест. Сейчас именно на болезни Глинис сосредоточены все мои силы и средства. Между здоровьем жены и покупкой квартиры для сестры лежит пропасть гораздо большая, чем рынок недвижимости в Нью-Йорке. Я обязан сделать все, чтобы спасти жизнь Глинис.

Шеп поджал губы, едва сдерживая улыбку. Сегодня днем в парке он сказал Джексону, что собирается «нагнать на всех страху» и сообщить близким о болезни, а Глинис говорила, что ее родственники начнут нести всякую ерунду и она не сможет прервать их, чтобы сообщить о главном. Может быть, его и ее семьи не такие уж и разные, как он думал.

– Я знаю, что это неправильно, – смеясь, говорила Глинис, устроившись на диване, пока Шеп мыл посуду. – Но я сегодня великолепно провела время. Никогда не думала, что болеть раком может быть так весело.

– Ты же знаешь, она всегда считала Последующую жизнь бредовой идеей.

– Берил – человек творческий, а ты лопух. Люди придают большое значение условностям. Ей не надо, чтобы ты совершал смелые или странные поступки.

– А тебе? – Шеп отвернулся от раковины и посмотрел на жену.

– Возможно, – ответила она. – Но только вместе со мной.

– Говори правду, – потребовал он. – Дело только в этом? Ты действительно смогла бы бросить все и начать с нуля в другом месте?

– Насколько я тебя знаю, ты никогда бы не уехал.

– Спорный вопрос. – Он отвернулся и принялся яростно тереть пригоревшую форму, в которой запекали лазанью.

– Этот вопрос не должен быть для тебя спорным. Если ты любишь меня.

Рука с губкой замерла. Он оторвался от своего занятия и вытер руки полотенцем. Опустившись на колени, он обхватил обеими ладонями ее лицо, обращая к себе.

– Гну, обещаю тебе, что в ближайшие несколько месяцев ты сама поймешь, люблю я тебя или нет. – Он долго целовал ее в губы, пока не понял, что у нее даже не участилось дыхание.

Через минуту в раковине опять бежала вода. Когда стало ясно, что им предстоит «временно» переехать в Элмсфорд в съемное жилье – на языке взрослых временно значит *навсегда*, – он стал разрабатывать план установки фонтанчика в кухне. Предполагалось, что это будет монументальное сооружение на тему кулинарии: вода по пластиковым шлангам текла в емкость в форме индейки, откуда по кругу спускалась ниже, попадала в чайную чашку, затем струи огибали изогнутый половник для супа и старомодной формы бокал, причудливый молочник в виде коровы, ложечку для мороженого, которую он купил на барахолке, ей, должно быть, лет сто, и в конце потоки воды попадали в оловянную воронку, откуда поступали по трубам

наверх. На всем пути струи воды сохраняли заданный напор и температуру, даже очень горячая вода не остывала ни на градус. Вся конструкция была похожа на детскую игру «Мышеловка», в которую в детстве они очень любили играть с Берил.

Фонтан был еще совсем новым, струи едва успели пробежать первый круг, когда они с Глинис вернулись из Пуэрто-Эскондидо несколько лет назад. В отсутствие родителей дети разъединили шланги, объясняя это абсурдностью идеи поставить фонтан в съемном доме, и решили вернуть все в прежнее состояние только к приезду родителей; как жаль, что забыли это сделать. Он не сказал детям, что они его расстроили. Ему было приятно, что они с удовольствием играют с предметом его невинного хобби. Огорчало его другое: он не научил их ценить то, что дорого их отцу.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросила Глинис, наблюдая завершение баталии с жиром. – Она хочет перевезти все свое барахло к отцу, пока ты не купишь ей квартиру. Хотя ты вполне мог сказать ей, что она может жить там и составить старику компанию.

– Берил пришлось съехать и расстаться с таким недорогим жильем, которое она считала своим. Естественно, она в панике.

– Ты не слишком либеральничаешь?

– Тебе повезло с мужем.

– Господи, это не укладывается ни в какие рамки! Можно подумать, это ее *гражданское право*! А заявление, будто она много работает и не ее вина, что за это не платят? Она сама выбрала профессию. Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов.

– Ты лучше и успешнее ее в профессиональном плане, вот Берил и бесится.

– Она совсем тебя не уважает.

– Ей приятно так ко мне относиться. Не будем ей мешать.

– Нет, какая наглость! Сто штук! И это только начало, первый взнос. Я давно предупреждала тебя, что давать ей не всю сумму сразу, а частями только хуже.

– Я никогда не видел ничего страшного в том, чтобы ей помочь. Не вижу и сейчас. – Впервые сомнения закрались в его душу. Возможно, при других обстоятельствах он помог бы сестре и в этот раз.

– Ты ей что-то пообещал? Почему она так уверена, что поможешь?

– Берил ведет себя так, как и все люди, привыкшие жить в стесненных обстоятельствах. Они полагают, будто все остальные богаче их. Она считает, что деньги – просто деньги, для всех одинаковые. У нее нет детей, и она не знает, что сколько стоит. Как Зак, например. Автостраховка, налоги...

– Готова поспорить, она их не платит. Люди вроде твоей сестры считают, что такие, как мы, обязаны платить больше.

– Не очень хочется быть похожим на Джексона, но, понимаешь, Берил из тех людей, которые даже не задумываются, чего стоит их существование. Что кто-то убирает за ней мусор, что она может погулять в парке, за которым кто-то следит, что в больнице ей обязательно окажут квалифицированную помощь, без страховки, которой у нее нет. И за все это кто-то заплатит. Уверен, что она даже не задумывается об этом.

– Определенно, – кивнула Глинис. – У нее психология не победителя, а жертвы. Ее злость на весь мир выросла до размеров Вселенной. – Шеп оставил при себе соображение, что то же самое можно сказать и о самой Глинис. – Для меня, – продолжала она, – самым неприятным за весь вечер было даже не твое сообщение, а эти крокодиловы слезы в конце. Как напыщенно! По-любительски театрально и наигранно! Как и ее комплименты по поводу моей лопаточки... Берил отвратительная актриса. Но сильнее всего она сокрушалась о том, что больше не сможет запустить жадную ручку в твой карман.

– Я надеюсь, что перед лицом серьезной болезни трения между людьми, например тобой и Берил...

– *Трения?* – Глинис засмеялась, но даже такой злорадный смех был ему приятен в сложившейся ситуации. – Да она меня ненавидит!

– Допустим, но я надеюсь, что и этого не должно быть. Берил не имеет права больше к тебе так относиться, и очень стыдно, если она этого не понимает.

– В этом есть что-то будоражащее кровь. Сложно объяснить, но мне нравится наблюдать, как она пытается скрыть, что буквально кипит от злости. Это те немногие радости, которые дала мне моя мезотелиома.

Увидев, как Шеп любовно натирает ее лопаточку для рыбы, Глинис встала и обняла его, прижавшись к спине. Это вполне обыденное действие произвело на нее неизгладимое впечатление и словно придало сил.

– Да, и ты заметил? – Глинис потерлась о его рубашку и вновь засмеялась грудным смехом. – Она до сих пор помнит о шоколадках.

Глава 6

Время, которое Шеп потратил на ужин «фотография до», Джексон провел еще хуже, чем предполагал. Капли с вазелином, которые он купил вместо «Саран Рэп» – никогда нельзя покупать лекарства неизвестных брендов, – вытекли за ночь из глаз Флики, и наутро они горели огнем. Пока он отсутствовал всего несколько часов, она, скажем так, была более чем раздражена.

Кэрол постоянно твердила ему, чтобы он не концентрировал внимание Флики на «стрессе», поскольку их старшая дочь постоянно испытывала стресс и стала очень плохо его переносить. Флика стойко сносила жалобы отца на лживость нового «зеленого» закона, который так же необходим, как *налог* на пластиковые пакеты, и сетования на то, что все это делается лишь с целью выкачать из народа больше денег. Она не возражала против опухших красных глаз по утрам, с трудом позволяющих ей завтракать. Она не возражала против того, что ей трудно говорить, когда хочется так много сказать. Она не возражала против того, что у нее изо рта постоянно течет слюна, что она постоянно потеет; если детей в школе просили воздержаться от злых шуток, она предпочитала съязвить в ответ, чем быть вежливой или просто с презрением отвернуться. Она терпеть не могла ежечасные вливания в трубку раствора из сахара и соли, которые совсем не приносили того удовлетворения, как ее сестре глоток колы. Она устала каждое утро и вечер на пятнадцать минут надевать специальный жилет для очистки дыхательных путей.

Флика должна была быть благодарна этому жилету, потому что родители ее теперь были спокойны и ей не приходилось проходить процедуру дренажа, которая стала кошмаром ее детства: вставленные в нос трубки, булькающие звуки помпы, потоки слизи, льющиеся в контейнер; Джексона всегда поражало, сколько дряни может содержаться в этих двух маленьких легких, и, сколько бы Кэрол ни говорила, что процедура приносит облегчение, он никак не мог с этим смириться. Сколько бы он ни утешал себя, что с каждым разом процедура становится для девочки все менее отвратительной, сама Флика была далека от благодарности. У нее было столько причин для раздражения, что она перенесла свою ненависть на другую процедуру: постоянные клизмы, связанные с хроническими запорами от приема множества лекарств.

Более того, в этот момент у нее случился вегетативный криз, и, черт возьми, она ни за что на свете не хотела бы пережить это вновь.

Первые признаки появились, когда Кэрол готовила германский шоколадный торт для ужина с Накерами. Он знал, в чем причина. К шестнадцати годам организм Флики стал сопротивляться всему тому количеству медикаментов, которые ему пришлось проглотить. Разумеется, ей суждено было многое вынести, и сейчас организм выбросил красный флаг: «изменение личности» и «эмоциональная неустойчивость» были основными индикаторами криза. Дело в том, что большинство детей с синдромом Райли – Дея – старый термин для определения семейной вегетативной дисфункции, напоминающий по звучанию название дуэта, исполняющего веселые песенки на христианском радио, – стали бы ныть, что сестра единовластно пользуется домашним компьютером. Однако Флика была далека от этого. В ее случае «неустойчивость» проявлялась куда страшнее. Она обычно начинала ныть, что ненавидит жизнь и свое тело; что в будущем ее не ждет ничего, кроме очередной госпитализации, которая закончится помещением навсегда в инвалидное кресло и целым рядом новых болезненных симптомов – ужасающие скачки давления, постоянные припадки... Флика появилась в кухне, потя и ноя, что лучше бы ей сразу умереть. Любым родителям было бы тяжело такое слушать, особенно если эти эмоциональные всплески нельзя списать на счет подросткового стремления к театральности. Флика говорила именно то, что хотела сказать. Она хорошо знала, какова смерть на самом деле, и считала, что ее речь звучит великолепно.

Джексон был на заднем дворе и отчетливо слышал каждое ее слово, внутренне съеживаясь все сильнее. («Нет, я не надевала жилет, я его ненавижу, я все ненавижу. Чуть все эти разговоры о том, как хорошо жить, не понимаю, что вы все в этом находите!») Затем ласковые, убаюкивающие речи Кэрол о том, что не надо так говорить, ведь жизнь – дар свыше, прочие увещевания, отчаяние в голосе от желания успокоить дочь.) Он до сих пор чувствовал себя разбитым, словно сбившимся с курса; ему было сказано не садиться за руль, но он и не думал повиноваться. Досада достигла предела, когда он заполнял бак на Четвертой авеню и завел разговор с заправщиком, что было слишком даже для него.

– Почему ты не разрешаешь мне просто зарезаться? Разве жизнь того стоит? – гудела из кухни Флика.

Он вошел как раз в тот самый момент. Боже, неужели он не заслужил сделать для себя всего одну вещь, а? Одну?

– Не хочу твою дурацкую яичницу! – прохрипела Флика, когда в комнату вошел отец. – Я не желаю проводить весь воскресный день с логопедом, потом с физиотерапевтом, потом с кем-то еще. Все равно я скоро умру, поэтому оставьте меня в покое и дайте посмотреть телик! Что в этом плохого?

Кэрол гладила девочку по голове и старалась закапать ей искусственные слезы. (Одним из первых признаков СВД является неспособность новорожденного плакать, злая шутка судьбы; любой ребенок, оказавшись он в такой ситуации, рыдал бы от горя.) Флика причитала: «Оставьте меня! Дайте умереть спокойно!» – и задыхалась все сильнее.

К сожалению, из-за побочных действий лекарств: тошнота, головокружение, стоматит, боли в спине, удушье, метеоризм, сыпь – симптомы СВД сложно было определить сразу. Но все становилось ясно, когда у Флики начинались позывы к рвоте. Сухие и тяжелые, они напоминали те, которые случались до фундопликации, когда она скрючивалась над тарелкой ненавистой яичницы, приготовленной Кэрол. Ее рвало долго и надрывно, казалось, кишки вылезут наружу. Оставалось надеяться, что после Флике станет немного легче.

– Это точно криз, – грустно сказала Кэрол мужу. Большинство жен произнесли бы эту фразу с интонацией истеричной сериальной актрисы, Кэрол же по-врачебному сухо констатировала факт. – Слава богу, ты вернулся. Подержи ее.

Джексон прижал щуплое тельце дочери к груди. Ловко расстегнув пуговицу и молнию, Кэрол стянула с Флики джинсы, быстро смазала себе безымянный палец вазелином и, подцепив небольшую таблетку, глубоко засунула ее в прямую кишку дочери. Без лишних рассуждений, на которые у них не было времени, Кэрол вгляделась в лицо девочки – не так просто определить по виду Флики, падает у нее кровяное давление или поднимается, но Кэрол уже давно приспособилась и по одному взгляду поняла, что давление снижается – кожные покровы стали липкими, бледными и прохладными – таблетка проаматина действовала.

– Теперь запомни... – сказала Кэрол.

– Да, да, знаю, – перебил ее Джексон. – Надо следить, чтобы в ближайшие три часа ее тело находилось в вертикальном положении.

Кэрол неоднократно это повторяла. Он отлично помнил, что, если девочка ляжет после таблетки проаматина, ее давление взлетит до небес.

Все это время Хитер держалась на некотором расстоянии и ревниво наблюдала за происходящим. Джексон даже немного обеспокоился тем, что она была молчаливее обычного.

Для верности Кэрол засунула еще таблетку диазепама, и через несколько минут он почувствовал, как тело Флики слегка содрогнулось. К счастью, Кэрол быстро добавила изрядную порцию валиума, дабы избежать второй волны криза – по силе это было сравнимо с ударом грузовика в столб – и иметь возможность доехать до больницы. Естественно, о торте все забыли, и теперь по всему дому разносился неприятный запах горелого шоколада.

– Прошу прощения за покупной торт, – говорила Кэрол, стоя в дверях. – Домашний у меня не получился.

Кэрол никогда не использовала проблемы с Фликой как оправдание – поступок, вызвавший у Джексона восхищение. Никто из них также не упомянул, сколько денег им пришлось потратить на сиделку. Когда Флика была в таком состоянии, они вызывали Вэнди Портер, медсестру, специализирующуюся на больных СВД.

– Мне *нравится* Глинис, – неожиданно сказала девочка, когда они крутились вокруг нее, убеждаясь, что она не сможет лечь. – Она никогда не обращается со мной как с идиоткой. Всегда спрашивает о моей коллекции мобильных, а не только об этой дурацкой болезни. Она не зануда и говорит нормально, не сюсюкает, как все эти терапевты. А теперь и она заболела. Еще страшнее, чем я, хотя это кажется невозможным. Она станет ждать сегодняшней встречи, и, если вы все отмените, для нее это будет удар. Если вы останетесь дома только из-за меня, я выпью холодного молока и заработаю воспаление легких.

Шантаж, да, но это сработало; Флика не имела привычки делать пустые заявления.

Джексон суетился на кухне, пытаясь наколоть лед – они принесли две бутылки вина, и две бутылки шампанского уже были приготовлены к ужину, – намечалось веселье, хотя повод был не для праздника. Начало новой эры в жизни, этот вечер был последним в череде столь любимых ими посиделок, неразлучная четверка, впереди у которой боль, усталость, разочаровывающие результаты анализов, завершение одного этапа, который неминуемо дает начало следующему.

Шеп со всей серьезностью подошел к вопросу еды. Стол был заставлен множеством закусок, достаточных для вечеринки человек на двадцать пять: хумус, креветки на шпажках, запеченные на гриле, спаржа, редкая в это время года, гребешки в беконе; он потратил сумасшедшие деньги только для того, чтобы подать на стол блюда, к которым подойдут серебряные палочки для еды, сделанные некогда Глинис. Она спустилась к гостям в черном бархатном платье в пол; горели свечи, отбрасывая дрожащие тени, атмосфера была завораживающая, словно в скором времени в этой комнате должен был произойти некий сатанинский ритуал. Джексон подошел и обнял хозяйку дома, его пальцы коснулись мягкой ткани, которой было слишком много, а Глинис под ней слишком мало. Ее плечи заострились и стали похожи на куриные крылышки.

– Ты выглядишь великолепно! – воскликнул Джексон.

Глинис поблагодарила его с девичьей стыдливостью, но он лгал. Это был первый случай из череды многих, когда она услышит слова неправды, хотя приятно уже то, что сегодняшним вечером хоть что-то начинается. Глинис была крашена ярче, чем обычно; однако румяна и красная помада никого не могли обмануть. Печать страха уже появилась на ее лице. Тем не менее это все еще была высокая, эффектная женщина, которая выглядела максимально достойно в сложившейся ситуации. Он старался гнать от себя мысли о том, какой она может стать в скором времени.

Все устроились в удобных креслах, пока Шеп наполнял фужеры. В былые времена, а это значит шесть недель назад, Глинис обязательно завела бы разговор с гостями. Ее редкие фразы были ценнее болтливости, она принадлежала к породе людей, готовых долго слушать чужие споры, а потом одним высказыванием подводить итог многочасовой дискуссии. Теперь же в ее манере появилось нечто царственное, словно она королева вечера, готовилась вершить суд.

В свою очередь, они с Кэрол были настороже, готовые в любой момент закрыть рот. Они внимательно выслушали подробный рассказ Глинис о том, что ей предстоит в понедельник утром, хотя уже знали обо всем от Шепа. Если Глинис и находилась сегодня вечером в центре внимания, то это было то внимание, которого все в этой комнате с удовольствием бы избежали.

– Мне наконец удалось связаться с семьей Глинис, – сообщил Шеп. – Разговор с ее матерью, доложу я вам, – это было что-то.

– Она как настоящая примадонна, – сказала Глинис. – Я слышала ее рев в трубке в другом конце кухни. Я знала, что она превратит мою драму в личную. Со стороны вполне можно решить, что это у нее рак. Ей даже удалось заставить меня мучиться оттого, что я заставила ее страдать. Можете себе представить?

– Хорошо хотя бы то, – заметила Кэрол, – что ей это безразлично.

– Ей безразличны собственные чувства, – сказала Глинис. – Ее интересует все, что она сможет использовать в своем книжном клубе, – понимаете, такая несправедливость жизни, когда ребенок заболевает прямо на глазах матери, и прочее, прочее, прочее. Однако сестра сказала мне правду, они готовы приехать, но радуются, что все случилось не с ними. Может, мне повезет, и Руфь отправит мне ароматические свечи, которые они получили в подарок от «Мастеркард».

Глинис всегда была резкой на высказывания и суждения, и Джексон подумал о том, какая же реакция семьи порадовала ее больше.

– А что сказали дети? – спросила Кэрол.

Глинис заметно помрачнела.

– С ними сложнее, – осторожно вмешался Шеп. – Амелия заплакала. Зак нет, но лучше бы он разрыдался. Мне показалось, что ему было еще тяжелее. Я никогда не подозревал, что мой сын может стать еще более закрытым. Оказалось, все возможно. Он окончательно ушел в себя. Даже не задал ни одного вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.